

70-летию Великой Победы посвящается

Пульс

№ 5 (2530)

Суббота, 9 мая 2015 г.

Газета Первого Санкт-Петербургского государственного медицинского университета имени академика И.П.Павлова

***О доблести,
о подвигах,
о мужестве...***

«...Надо увековечить и сохранить память о людях. ...Необходимо на каждой кафедре и клинике вести учет о сотрудниках, начиная с 22 июня, кто в армии, кто эвакуировался, кто умер. ...Надо поддерживать связь с живыми, знать об их работе, надо вести списки погибших, как преподавательского состава, так и студентов. Мы должны знать их имена...»

*И. Д. Страшун,
директор 1ЛМИ (1941–1943 гг.),
стенографический отчет заседания Ученого совета
института, 25 января 1943 г.*

Фотография на обложке:
Открытие памятника студентам и сотрудникам 1ЛМИ,
погибшим во время Великой Отечественной войны.
5 ноября 1987 год

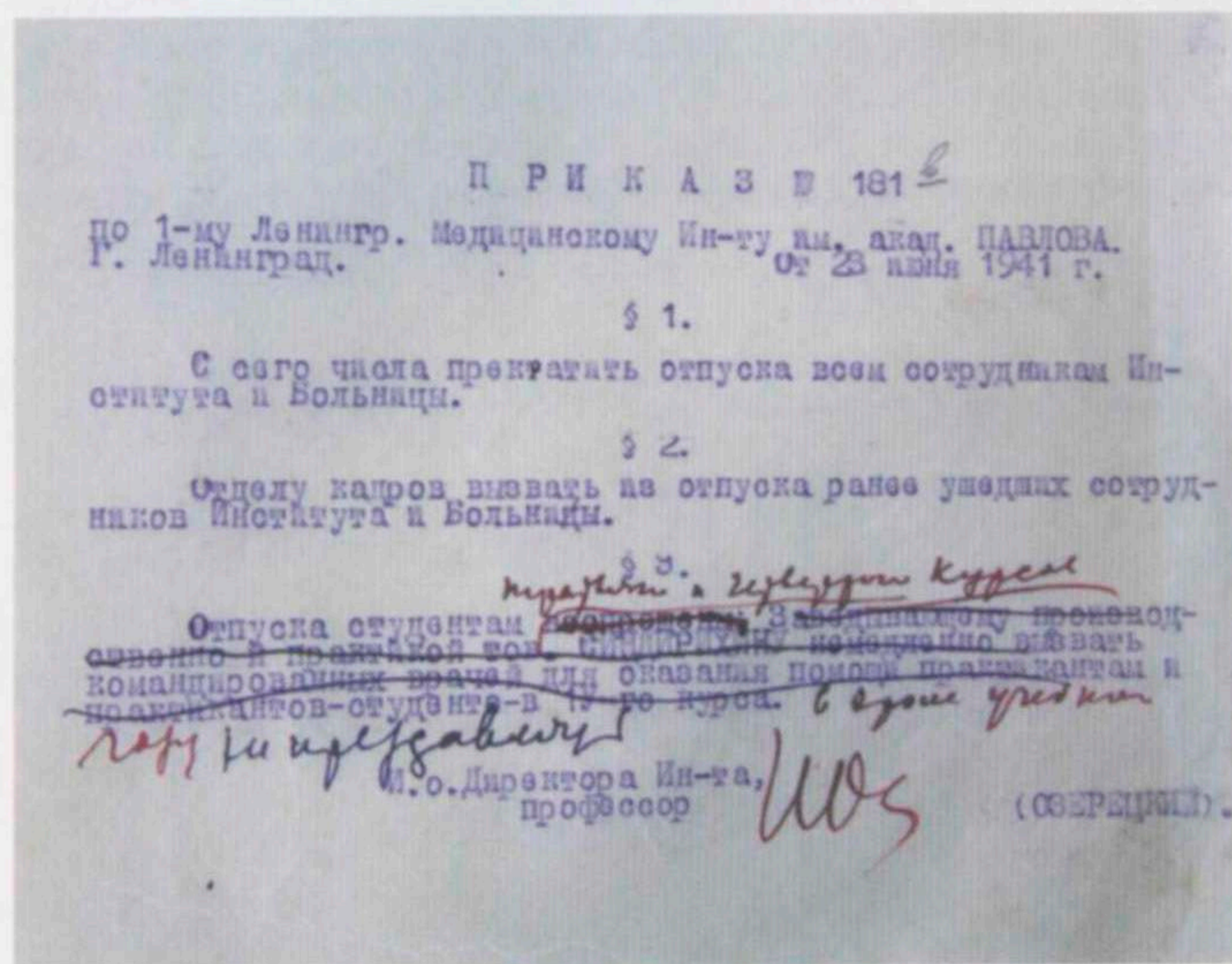
Все уходили на войну...

«В тот первый день, когда по радио передали сообщение о войне, не знаю почему, мы все бросились в институт, „на пятак“. Наверное, никогда на нем не было так людно, как 22 июня. И звучали такие непривычные вопросы „Куда нести заявление?“, „Возьмут меня на фронт?“. На фронт нас не взяли. По приказу мы, второкурсники, продолжали учиться».

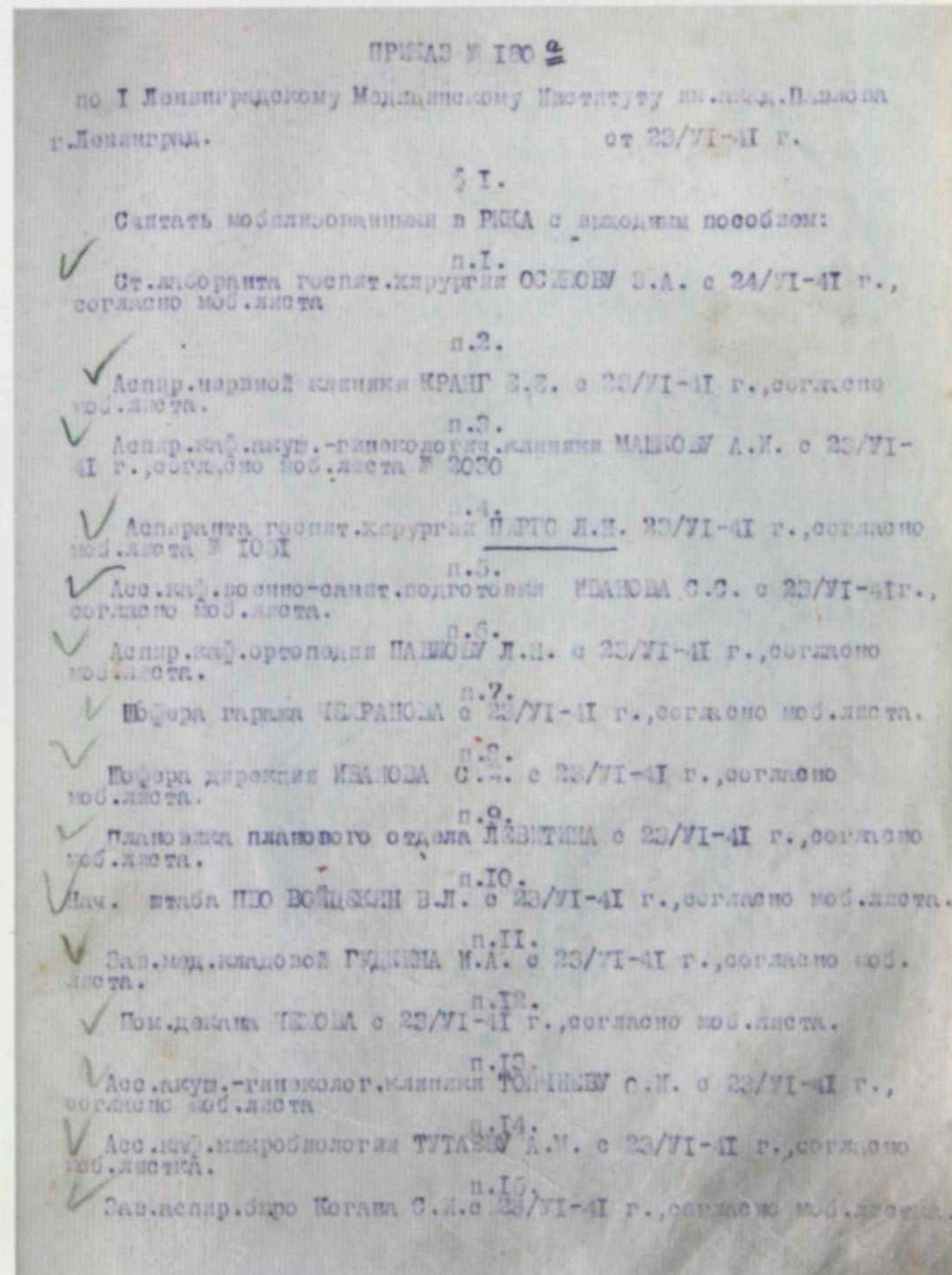
Воспоминания ассистента Т.А. Богдяж

В первые дни войны в 1ЛМИ мобилизовали 241 врача и 158 медсестер. 196 ушли на фронт добровольцами. Уже к концу августа институт дал стране, главным образом, вооруженным силам, 347 медсестер, 1338 врачей, в числе которых были почти все выпускники 1941 года, студенты 5 курса (июньский выпуск) и студенты, перешедшие на 5 курс, выпущенные со свидетельством о досрочном окончании института без экзамена «зауряд-врачами» (сентябрьский выпуск). Мобилизации на фронт персонала института продолжались весь период войны, но самыми массовыми они были в июне – августе 1941 года.

С первых дней и в течение всей войны сотрудники 1ЛМИ занимали ответственные руководящие медицинские должности в действующей армии и на флоте: главными хирургами фронтового уровня были назначены профессор Ю.Ю. Джанелидзе (ВМФ СССР) и профессор П.А. Куприянов (Ленинградский фронт); профессор Д.Г. Рохлин стал главным рентгенологом 1-го Украинского фронта, Л.М. Уваров – главным стоматологом ВМФ СССР, ассистент Л.Р. Балон – главным стоматологом Карельского, а затем 1-го Дальневосточного фронтов. А.А. Кьяндский был главным челюстно-лицевым хирургом Ленинградского фронта; В.Ф. Ундрец – главным отоларингологом Ленинградского фронта; доцент кафедры психиатрии С.И. Коган – главным психиатром 3-го Белорусского, а затем – 3-го Прибалтийского фронтов. 11 профессоров 1ЛМИ входили в клиническую группу Консультативного бюро при Военно-Санитарном управлении Ленинградского фронта.

Приказ по 1ЛМИ от 23 июня 1941 года о прекращении отпуска всех сотрудников 1ЛМИ

Приказ по 1ЛМИ от 23 июня 1941 года о мобилизации сотрудников в РККА

Выпускник Г.Е.Рабкин писал жене: «Наш выпуск в количестве 567 человек закончил полный (пятилетний) курс обучения в 1-ом Ленинградском медицинском институте им. академика И.П.Павлова. 24 июня 1941 года мы собрались в зале им. Ленина, и директор института, профессор Н.И.Озерецкий, поздравив нас с окончанием института, объявил об отмене „мирных точек“ назначения, а наш любимый „Джан“ (профессор Ю.Ю.Джанелидзе) добавил: „Все вы успешно сдали Государственные экзамены, но помните, что самый трудный и страшный экзамен у всех вас впереди“».

Один из зауряд-врачей 1941 года М.А.Левитанский: «В связи с тяжелой обстановкой было принято решение — пятый курс Первого медицинского института выпустить досрочно и направить в действующую армию. 3 сентября 1941 г. приказом № 305 были выпущены 483 зауряд-врача. Никаких торжеств... Все уходило на войну...» Спустя много лет он написал пронзительное стихотворение, посвященное его курсу.

Баллада о курсе, опаленном войной

Давно это было: блокадная осень,
Слышна канонада и фронт недалек,
Над городом Ленина ветер разносит
Все чаще и чаще сигналы тревог.
В те грозные, тяжкие дни отступленья
Решался вопрос: ты герой или трус?
Тогда, оборвав по приказу ученье,
Ушел на войну целиком пятый курс.
От лекций, из клиник — в сумятицу боя,
Где рвутся снаряды и пули снуют,
Где дымное небо гремит над тобою, —
Так начали мы свой врачебный дебют.
Наш путь фронтовой — это труд и отвага,
И каждый в победу частицу вложил.
На ратном пути от Невы до рейхстага
Немало, немало врачебных могил.
Мы можем сегодня по праву гордиться
Делами своими, своею судьбой...
А время бежало, и вот через тридцать
Встречается курс, опаленный войной.
Пришли, сединой припорошены густо,
Доценты, врачи, кандидаты наук.
Годами дремавшие, вспыхнули чувства
В горячих объятьях, в пожатиях рук.
И кажется — нет многолетней дороги,
Войны, трудового большого пути.
Мы снова Андрюши, Веруши, Сереги,
И шутки сверкают, и песня летит.
Друзья! Этот день пролетит как минута,
Но в сердце его увезите с собой.
В знакомых стенах своего института
Встречается курс, опаленный войной.

Белозерск - Ленинград
Здравствуй, милая Ласючка! 22
26/VI 41.

Первое 2ое письмо получил 23/VI - второй день войны - кровопролитней, жесточай, неизбежной как чумоко-зверем. Я пошел в Белозерск, попеременно работал в хирургическом отделении больницы, делал перевязки, вставлял в раны тампоны, снимал швы, делал назначения. Я смог бы написать тебе много интересного, описать больных, а они здесь достаточно оригинальны, но сейчас не время этим заниматься. (Побе неграбилось мое 7 письмо, я очень рад этому, т.к., по правде говоря, не задумывался над легкостью, образами, пометодностью /или слова/ Я просто писал все то, что видел и ни на одну минуту не возникала в моей голове мысль об "авторе" и авторское самонабие не являлось для меня целью; так что ты не пруди)

Внизу (в нашей столовой) кипит работа
Вот они бегают слова вверх...
Телеграмма из института!!
"Немедленно выезжайте, директор
Озерецкий" Я еду в Ленинград

Отрывок из письма выпускника Г.Е.Рабкина жене. 1941 год

Подготовка 1ЛМИ к требованиям военного времени

Сотрудники и студенты 1ЛМИ сражались не только на фронте в действующей армии, уходили в Народное ополчение, но также принимали активное участие в защите города: координировали работу ленинградцев по обезвреживанию снарядов и бомб, боролись с огнем, обеспечивали сохранность зданий, лечили от ран и болезней горожан.

Как следует из докладной записки П. К. Булатова, для организации противопожарной защиты следовало провести следующие мероприятия: «окраску раствором суперфосфата деревянных конструкций чердаков (144 000 кв. м.); обеспечение водой и песком чердачных помещений, оснащение объекта противопожарным инвентарем, организацию противопожарных звеньев объекта; устройство наблюдательных вышек; уборку территории объекта; организацию выездной пожарной команды объекта; мероприятия по освещению и светомаскировке объекта; организацию работ по устройству укрытий, бомбоубежищ и щелей... Каждая клиника выделяла определенное количество работников в бригаду маляров на 7–10 дней поочередно. Одновременно было зашито досками 700 окон, площадью около 3 000 кв. метров, поставлены ящики с песком возле всех зданий больницы. На территорию института было доставлено более 80 кубических метров песка, который требовалось поднять на крыши 4–5-этажных зданий. Ежедневно в течение трех недель 70–100 студентов выставлялись на конвейер. Песок загружался в ведра и по живому конвейеру поднимался на чердаки... Были установлены вместилища для воды, для чего было принесено 3 400 ведер. Закуплены и распределены по объектам 370 ведер, 30 ломов, 30 специальных клещей для зажигательных бомб, 170 железных лопат, 6 лестниц и другой различный пожарный инвентарь».

Ленинград бомбили и обстреливали, и на территории 1ЛМИ, в подвалах учебных корпусов, оборудовали несколько бомбоубежищ. Поскольку тогда не исключалось применение противником отравляющих газов, то эти убежища предусматривали защиту и от них: «Построенные до войны газоубежища обеспечивали укрытием 20–25% больных. К концу августа 1941 г. было построено еще 5 бомбоубежищ. К началу массовых бомбардировок территории института появилась возможность укрыть 35% больных» (из докладной записки П. К. Булатова).

Но самым распространенным видом убежищ стали так называемые «щели», которые были отрыты на территории всего Университета. Как вспоминала В. В. Ставская: «Новый вид укрытий – щели, были построены в июле месяце в парке перед зданиями поликлиники и факультетской хирургической клиники. Щели были предназначены для укрытия больных поликлиники и граждан, приходящих по тревоге с соседних улиц. Щели сооружали студенты и служащие под руководством А. А. Рамша. Длина всех щелей составляет 200 метров, вместимость – 245 человек».

Щели для укрытия от бомбежки на территории института. 1941 год

В число служб МПВО 1ЛМИ входила медико-санитарная служба (МСС). Из студентов 5 курса в количестве 65 человек были сформированы отряд первой медицинской помощи и медико-санитарная команда – врачебный резерв города. Одно из подразделений занималось подготовкой оказания помощи населению в случае применения осаждавшими город войсками боевых отравляющих веществ. Т.А.Никифоровская вспоминала: «Поручено было библиотекарю М.Г.Гримм отобрать литературу – книги по оказанию первой помощи при ранениях, при отравлениях ОВ, разные руководства для медсестер, фельдшеров. Таких книг оказалось не очень много. Единственные экземпляры были оставлены для читального зала, помеченные буквой „ОБ“ (оборонного значения). Была специальная картотека таких книг».

Преподавательский состав участвовал в организации займов и сборов на танки и самолеты. В фонд обороны было собрано по институту 58 510 рублей. Профессор К.К.Скробанский сдал 5 000 руб. и на 1 000 руб. облигаций, профессор П.А.Останков – 1 700 руб. Студентка Кузнецова сдала золотое кольцо, профессор К.Т.Глухов принес в партбюро 12 кг меди в монетах. Видимо, это была его нумизматическая коллекция, сданная им в самое тяжелое время блокады. Сотрудники поликлиники из отходов фланели сшили около 100 теплых вещей для фронта. Младший персонал кафедры биохимии связал 60 пар шерстяных носков. Из своих запасов Институт снабдил медикаментами и медицинским оборудованием дивизию народного ополчения, сформированную в Петроградском районе.

Тренировочные занятия медико-санитарных дружин

Тренировочные занятия медико-санитарных дружин

Учебный процесс в годы войны

Тяготы военного времени, сложные бытовые условия блокадного города не отменяли главную задачу 1ЛМИ – подготовку будущих врачей. В самые тяжелые месяцы Великой Отечественной войны администрация института делала все от неё зависящее, чтобы не просто набрать первокурсников, но и создать условия для их учебы.

Студенты 1 и 2 курсов без отрыва от учебных занятий в течение трех месяцев должны были пройти специальные курсы медсестер военного времени. Студенты 3 курса были обязаны нести дежурства в качестве медицинских сестер и помощников врачей. Однако ситуация под Ленинградом катастрофически ухудшалась. Поэтому в августе-сентябре 1941 года студенты и преподаватели были мобилизованы на окопные работы, шедшие в районе Петергофа, Пушкина и Волосово.

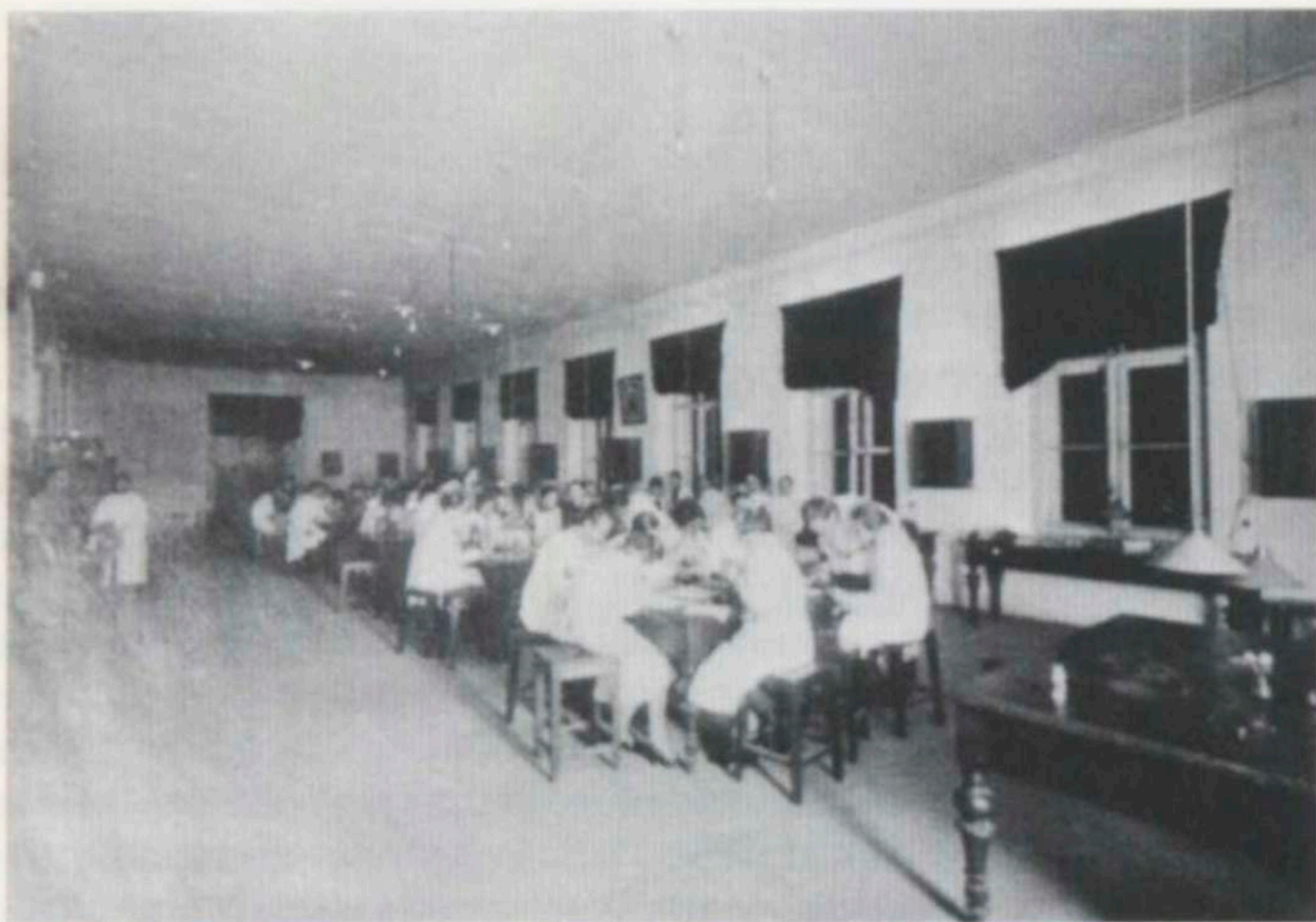
В дневнике Б.П.Абрамсона фиксировалось: «На фоне крайне напряженной обстановки 1 августа начинаются учебные занятия с 3 курсом. Лекции и практические занятия посещаются полностью, аудитория переполнена, читать лекции хорошо и приятно. Но уже 15 августа весь третий курс мобилизован на оборонные работы, и учебные занятия прерываются на целый месяц». Занятия в 1ЛМИ возобновились 22 сентября.

Обстоятельства военного времени вынуждали руководство корректировать учебную программу. 28 октября 1941 года директор 1ЛМИ И.Д.Страшун, выступая на общем партийном собрании, заявил: «Мы обязаны готовить врачей в сокращенные сроки и в первую очередь по нужным для военного времени дисциплинам. Остальное дадим после войны...» Поэтому занятия в 1ЛМИ велись по ускоренной программе. Лекционные потоки были укрупнены. Увеличивались часы для самостоятельной работы. Сокращались учебные часы, отводимые на курсы гигиены, патанатомии и педиатрии. Соответственно, увеличивались часы, отводимые на хирургию, терапию и инфекционные болезни. В августе 1941 года была утверждена новая программа физической подготовки студентов.

Из доклада профессора Г.В.Шора по экзаменационной сессии ГЭК 3 августа 1942 года (протоколы заседаний Ученого совета. 1942 г. Стенографический отчет заседаний Ученого совета ноябрь – декабрь 1942 г.): «Мы приступили к экзаменам с большим опасением, как бы молодые врачи не дали плохих ответов ввиду тех условий, в которых мы и они жили в последний год, но оказалось, что результаты были хорошие».

Студенческий билет С.Т.Шекуто. 1941 год

Занятия на кафедре патологической анатомии. 1943 год

Занятия. 1944 год

Лекцию читает С.А. Рейнеке

Студенты участвовали в окопных работах в районах Петергофа, Пушкина, Волосово, Луги

Воспоминания Е.В.Усольцевой (февраль 1942 года): «Уведомили нас о начале занятий со студентами 5 курса. В первый момент мне показалось, что это задание переполняет чашу испытываемых тягот и невыполнимо. Но вскоре пришла худенькая, одутловатая „старушка“, закутанная в платок, напоминающий одеяло, и заявила, что она за старосту 5 курса и ей нужно знать, где я завтра буду читать им лекцию. На лекцию пришло 48 студентов-блокадников, у которых было горячее желание скорее закончить институт и врачами пойти в армию. „Старушка“ была Е.А.Чехарина, в последующем — блестящий хирург, доктор медицинских наук, профессор, много лет работавшая в Онкологическом институте... Я читала о переломах лодыжек. Прочитав основную часть лекции, я решила показать больных. Подошла со студентами к топчану, на котором лежала женщина-стрелочница 30 лет. Открыв ногу и сняв повязку, мы увидели открытый внутрисуставный перелом лодыжек, причем сочленяющиеся поверхности были видны в обширной цинготной язве, занимающей всю тыльную поверхность стопы. За двое суток после травмы и кровоподтека образовалась типичная некротическая цинготная язва. Больная тихо скончалась в нашем присутствии».

Из «Дневника» В.Г.Гаршина (апрель 1942 года): «Студентов делалось все меньше. В аудитории, когда подходишь к ней, не слышно веселого гула молодых голосов, гула, к которому привык прислушиваться с радостным волнением. Сидят в пальто, в шапках, жмутся к печурке, во время чтения лекций сами подкладывают дрова и задумчиво смотрят на огонь. Доходят ли до них мои слова? Часто нет физических сил дотянуть лекцию до конца. Кончаю иногда после грустной просьбы слушателей — „Кончим сегодня; вам трудно, мы видим...“ Идут экзамены. Слушаю — отвечают недурно! Усвоили лекционный материал! Откуда у них силы? У меня они иссякли к началу января».

Эти же печурки и сидящих перед ними студентов видела и В.М.Инбер:

Студент... Огонь он только что раздул.
Старательно распиленный на чурки,
Бросает он в него последний стул.
А сам перед игрушечной печуркой,
На корточках (пусть пламя припечет)
Готовит он очередной зачет.

В.М.Инбер. Поэма «Пулковский меридиан».

Из воспоминаний студентки Н.Найбич: «На территории нашего общежития и рядом с институтом располагалась одна из частей 12-го гвардейского артиллерийского полка — Красносельского. Бойцы, командиры этого полка, много сделали для нас, студентов. Они нам приносили горячее в коптилки, которые освещали наши замерзшие, с инеем на стенах комнаты, они нам приносили листы различной бумаги, на которой мы могли писать лекции (ведь тетрадей не было), они делились с нами кусочком хлеба (получали они 300 грамм, а мы 125). Сделали нам про рубь на Большой Невке, собрали всех наших умерших и лежавших на улице, около общежития, студентов и сложили аккуратно на берегу реки Карповки, а потом, когда у них, бойцов, появились силы, и похоронили умерших студентов на Пискаревском кладбище. <...> Мы слушали лекции таких прекрасных профессоров, как Гротель, Черноруцкий, Глухов, Чернова, Скробанский, Ундриц и многих других. Они читали нам лекции и проводили занятия в холодных аудиториях, освещенные светом коптилок, так же, как и мы, одетые в пальто, такие же голодные, но крепкие духом и верящие в скорую победу».

2 ноября 1942 года институт выпустил 225 молодых врачей, их них 40 человек с отличием. Из «Дневника» Б.П.Абрамсона: «2 ноября 1942 г. 23 ч. 15 мин. Вчера был совсем „мирный“ вечер. Состоялся торжественный 47-й выпуск врачей нашего института. Окончило его 225 человек — все мои питомцы. Приятно было поэтому выступить перед ними с прощальным словом и почувствовать на себе дыхание этой общей любви... После торжественной части был отличный концерт, потом ужин (по талончикам — рюмка водки, винегрет, 4 кусочка хлеба, 10 гр. масла, 10 гр. икры и 10 гр. сыра — сохраняю для памяти и для сравнения с будущими банкетам!) и, наконец, танцы. И я потанцевал с моими милыми девушками».

Из «Дневника» В.Г.Гаршина: «В 1943 году я опять читал лекции тем же студентам, с которыми простился в голодные месяцы 1942 г. Теперь они уже кончают курс, готовятся стать врачами. Те же знакомые, милые мне лица. Но в них какая-то новая черточка. Ее наложило не только время — это ленинградская метка скорби и стойкости. Мы встретились как родные, близкие люди. Я знаю — это на всю жизнь. Для меня, по крайней мере. Быть может, молодые души моих слушателей и утратят это чувство, когда дальнейшая всегда суровая и всегда прекрасная жизнь вытеснит или затушет пережитое в ранней юности».

Из воспоминаний студентки Н.Найбич: «2 сентября 1943 г. получила диплом об окончании 1ЛМИ, вручал И.Д.Страшун. Окончило нас, кажется, 130 человек (а курс был в 800, 300 человек в 1940 году из 3-го мед. института присоединили). Оставили нас работать в г. Ленинграде, но когда освободили Псков, Нарву, Новгород, нас, молодых врачей, направили в эти освобожденные районы.

Я прибыла в Псков и увидела одни руины, трубы, уцелевшие от взорванных домов землянки. Много прибыло ленинградцев. Больницы там были разрушены. Вначале жили в конюшне, потом разминирован был один из уцелевших домов, куда нас поместили (окна были забиты фанерой), печки не было и т.д. В Пскове было чистое небо, а земля заминирована. Молодых врачей, выпускников 1ЛМИ (блокадников, как называли нас тогда) наградили медалью „За доблестный труд в Великой Отечественной войне“».

1 августа 1944 года институт окончили всего 69 человек. Студенты 3 и 4 курсов летом проходили производственную практику. Студенты младших курсов продолжали работать на торфоразработках, обеспечивая город дешевым топливом. Об этих работах упоминается в воспоминаниях Н.Г.Тенигиной. Приводимый отрывок посвящен лету 1943 года, но летом 1944 года характер и условия работы оставались теми же: «Хоть шел уже третий год войны, но блокада еще не была прорвана, нам всегда хотелось есть; утром и вечером нам приходилось иногда пешком проходить долгий путь домой, укрываясь в подворотнях от бомб и обстрелов. Мы принимали участие во всех работах, проводившихся в институте и вне его. Например, добыча торфа в Рахье, где условия были очень тяжелыми. При отправлении на торф нас осматривал врач. Я была освобождена по состоянию здоровья и занималась в это время уборкой в библиотеке. Но по воскресеньям нас тоже посылали в Рахью. Ватная куртка, рабочие брюки и сапоги — распространенный костюм блокадника, всегда готового к неожиданным и не очень приятным явлениям ежедневного бытия. Мы видим здесь глыбы торфа, которые отрывают руками от земли».

Объект № 89

Территория 1ЛМИ неоднократно подвергалась артиллерийским обстрелам. На изданных немцами планах Ленинграда с указанием «военных объектов» особенно выделены больницы: каждая была заштрихована красными полосками (как важный объект), имела свой номер и разъяснительную надпись Krankenhaus (нем. – больница). Объект № 89 – больница Эрисмана.

24 сентября 1941 года на территорию института упала первая авиационная бомба. Вскоре огромная бомба упала перед поликлиникой и не взорвалась. Поскольку ее надо было обезвредить, началась немедленная эвакуация больных и персонала, находившихся «**в зоне 100 метров, во вторую очередь – в зоне от 100 до 150 метров.** Эвакуации подлежали **117 новорожденных детей, их 117 матерей и другие больные акушерского и гинекологического отделений в количестве 171 человека.** Общее количество амбулаторных больных с персоналом достигло **400–450 человек.** Эвакуация была осуществлена за **10–15 минут.** Это был первый опыт эвакуации, который показал нехватку носильщиков и носилок на **100–150% против бывшего количества по нормам**» (из докладной записки П. К. Булатова).

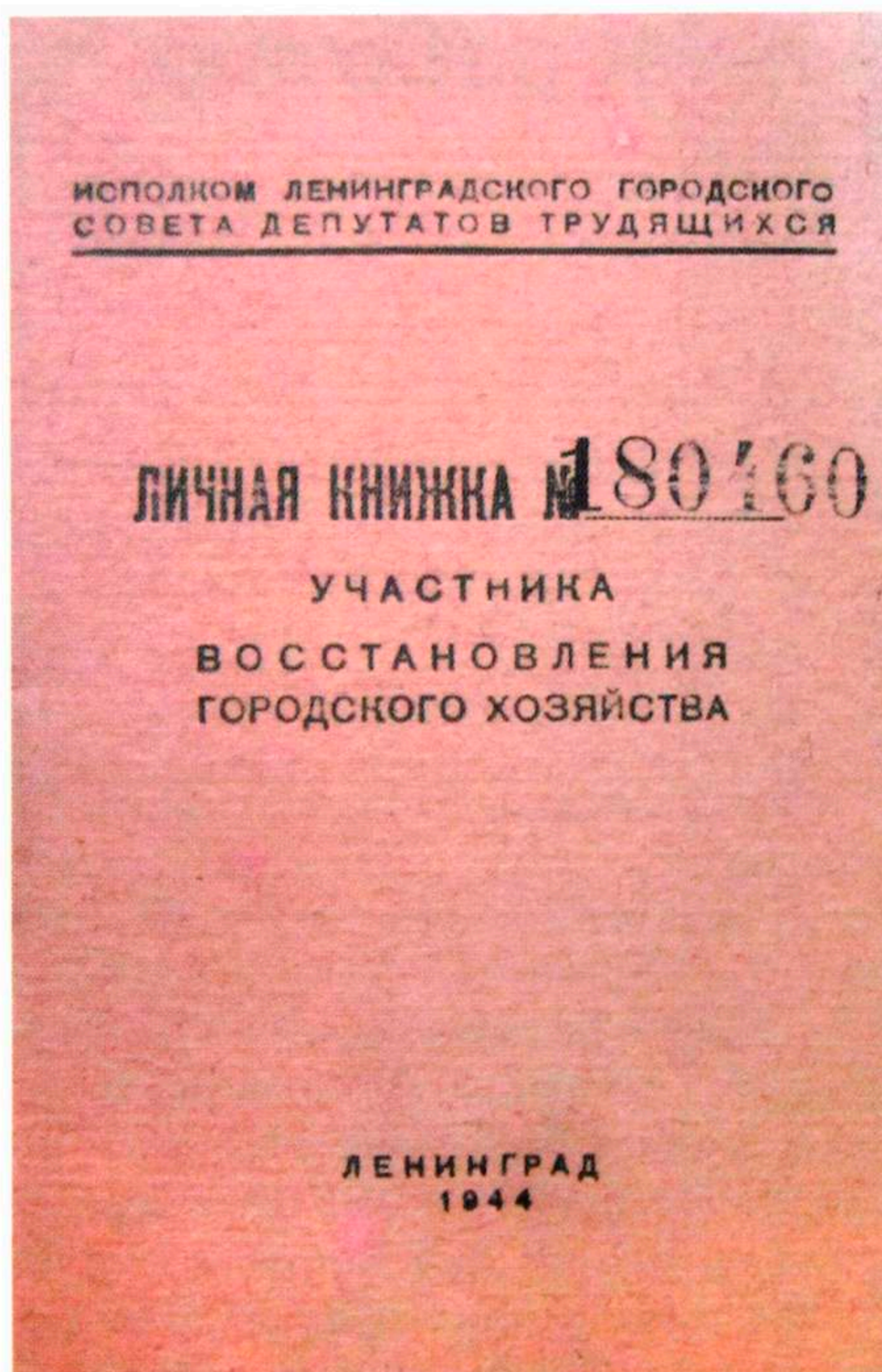
Как следует из документов, 9 студентов 4 курса демонстративно отказались «от переноски больных и раненых в момент нахождения неразорвавшейся бомбы на территории института; закончилось тем, что семеро из них исключены из института (без права вторичного поступления)». С огромным трудом саперы обезвредили неразорвавшуюся бомбу.

Повреждение здания госпитальной хирургической клиники в результате артиллерийского обстрела

Вход в приемный покой после бомбардировки. 1941 год

Личная книжка участника восстановительных работ Т.А. Никифоровской

Студенты участвуют в восстановительных работах на территории 1ЛМИ. 1947 год

Из воспоминаний В.Г.Гаршина: «Бомба упала возле моей прозекторской 16 ноября 1941 г. Это грань – начало моего настоящего времени. Бомба не взорвалась, она ушла глубоко в грунт, в пливуны – наша больница расположена на одном из островов невской дельты. Здесь уже на глубине метра вода. Доступ в прозекторскую был закрыт. В первый день удалось докопаться до бомбы, но извлечь ее не могли. За ночь она ушла еще глубже. Впрочем, дело не в этом, с бомбой, в конце концов, справились, но она уничтожила водопровод. Мы остались без воды. Трубы замерзли, а зима у нас была ранняя, морозы стали уже в ноябре. Отопление прекратилось. Остановилась работа – не было воды и тепла».

Из «Дневника» Б.П.Абрамсона: «16 апреля 1943 г. Вернувшись в клинику, застал большую партию свежих раненых, доставленных после обстрела. Только началась их обработка, как дали тревогу – бомбы падали совсем близко, зенитки били так, что стены дрожали, наконец, погас свет. В это время шла лапаротомия (ранение почки и толстой кишки), которую кончал при летучей мыши. Тревога была „смешанной“ – одновременно налет с воздуха и близкий артобстрел. Слышны были все доступные нам звуки – гул немецкого мотора, удары зениток, разрывы бомб, свист снарядов и их разрывы. Тут уж самые крепкие нервы не выдержат! А надо выдержать!»

18 мая 1943 г., вторник. С немецкой точностью в 23:45 – очередная тревога. Ясная белая ночь».

На этом записи в дневнике Б.П. Абрамсона обрываются. 25 мая 1943 года, днем, торопясь на совещание в Институт переливания крови на 2-й Советской улице, он погиб от случайного осколка бомбы на пороге института.

За годы блокады на территорию 1ЛМИ упало 28 бомб и 35 снарядов. В результате авиационных налетов и артиллерийских обстрелов из 18 объектов 1ЛМИ значительно пострадали 7. Были разрушены (и не восстановлены): барак для служащих, одноэтажная табельная (на месте нынешней барокамеры), повреждены терапевтический, химический, анатомический корпуса, здания общей хирургии и главной кухни. Выбито свыше 4000 оконных стёкол. Общий ущерб институту составил 14 миллионов рублей в ценах 1945 года.

Как свидетельствуют архивные материалы: с 10 мая по 20 декабря 1944 года «работниками больницы института и студентами дано 131002 человеко-часов». Здесь имеются в виду часы, отработанные на восстановлении учебных корпусов и клиник института.

Все сотрудники 1ЛМИ, работавшие в период блокады, были награждены медалями «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Отечественной войне».

27 апреля 1944 года профессор Н.И.Озерецкий, выступая на партийном собрании, подчеркивал: «...Институту нанесены большие раны, и мы должны его восстановить полностью. Это нелегко. Мы сделаем это, если на институт будем смотреть как на родной дом».

«Пока я работаю, пуля меня не возьмет, пока я работаю, сердце мое не замрет...»

Несмотря на голод, постоянные бомбардировки и обстрелы, жизнь в институте продолжалась. Шли операции, читались лекции, проводились семинары... Именно работа позволяла отвлечься от мрачной картины суровой блокадной повседневности, именно она давала силы выжить, когда закончились все запасы еды дома, когда в кармане уже нет продуктовой карточки, когда в небе вновь немецкие самолеты.

В.М.Инбер. «Почти три года» (Ленинградский дневник): «Осень 1941 г. Принесли девушку с раздробленным бедром и дали ей наркоз. Джанелидзе взрезал мышцы и, преодолевая сопротивление расходящихся краев кости, в несколько приемов поддел под них металлический желобок. Даже я, профан, не могла налюбоваться изяществом и силой этой работы, свободной уверенностью этих рук. Единственное, в чем я хорошо знала толк и что дошло до меня полностью — это чистота и бесшумность... Никакой нервозности... Внезапно в эту сосредоточенную тишину вторглась сирена. Колебнулась почва. Задрезжали стекла. Сидящие на скамьях невольно повернулись к выходу. „Операция еще не кончена“, — жестко сказал Джанелидзе своим гортанным голосом. И только когда грянуло где-то совсем рядом, операционный стол передвинули в другое, лишенное стекол помещение».

Несмотря на ужасающие условия, в 1ЛМИ не прекращалась и научная жизнь, проходили заседания Ученого совета, защищались диссертации.

В.М.Инбер. «Почти три года» (Ленинградский дневник): «25 ноября 1941 г. ...Вчера, во время двойного обстрела, с воздуха и земли, Борис Яковлевич, главврач больницы, защитил диссертацию в бомбоубежище. Диссертант в своем неизменном ватнике явился прямо из котельной, где вот уже который день, совместно с истопником, пытается наладить работу прачечной, поврежденной снарядом. В бомбоубежище электричество не горело. Ученый совет заседал при керосиновой лампе. За обедом выпили разведенного спирта в честь нового кандидата медицинских наук».

Б.П.Абрамсон писал в своем дневнике: «Говорят, что мы герои. Может быть и так, но я не чувствую себя героем, хотя и привык оперировать под звуки рвущихся на расстоянии 50 метров фугасных бомб и снарядов и читать лекции под звуки зениток.

1 декабря 1941 г. Вчерашнее дежурство было особенно тяжелым. С двух часов дня подвезли сразу 26 раненых, пострадавших от артиллерийского обстрела — снаряд попал в трамвай. Очень много тяжелых ранений, преимущественно раздробления нижних конечностей. Тяжелая картина. К ночи, когда закончились операции, в углу операционной — груда ампутированных человеческих ног...»

Из «Дневника» В.Г.Гаршина: «Вскрывали трупы бойцов. Вместе с хирургами думали о причинах смерти, изучали раны, повреждения. А главное — изучали ошибки диагностики. Особенно трудны для диагноза слепые ранения. Ранят в грудь, а осколок прошел в брюшную полость — не поставлен диагноз. Эти сопоставления анатомических и клинических диагнозов улучшают диагностику. Мы не ограничиваемся разбором у секционного стола, мы выносим разбор на конференции врачей. Нужно завоевать авторитет у клиницистов, такт нужен — нельзя впадать в прокурорский тон, но и замазывать нельзя — только при этом идет действительно плодотворное обсуждение всех промахов в диагнозе. Все это, впрочем, моя постоянная работа — с войной изменился только материал, увеличилось количество вскрытий — работы стало больше...

...Нахлынули родственники. Одни — с застывшими маскообразными лицами, другие — с истерическими воплями и криками. Как трудно их успокоить, заставить разумно отвечать, а это необходимо, нужно ведь выдать документы, объяснить, как похоронить их близких. Эти часы и дни в морге после бомбежек — воспоминание на всю жизнь. Я привык в какой-то мере принимать на себя тяжесть горя и ужаса родственников умерших. Но здесь все меры превзойдены. К вечеру парализуется душа. Ловлю себя на выработанной личине участия, на трафаретных фразах. В эти дни уходишь опустошенным...

...Мы ...свидетельства о смерти давали. Это сначала десятки, потом сотни. ...Они лежат в морге, в секционных залах, вокруг прозекторской во дворе, около нее на улице. Их засыпает снег. На морозе они становятся твердыми, как мрамор. В прозекторскую трудно войти, завалены дворы и коридоры, чтобы не наступить на труп. Санитаров в прозекторской почти нет — вымерли. ...Бросил работать — свалился — плохо, быть может, и не встать. Умерла в лаборатории санитарка. Нашли утром — в комочек свернулась под теплым платком и в новых коричневых валенках...

...Я смотрел на своих людей и не узнавал их. Что-то изменилось. Потом понял — начало сказываться недоедание, стали уходить силы...»

Президиум
Ленинградского общества
терапевтов им. С. П. Боткина

Операционная хирургической клиники. Оперирует З. В. Оглоблина

Внутривенное вливание лекарства пораженному удушливыми газами.
1942 год

В одной из клиник института в дни войны

Травматологический пункт во время войны, наложение повязок.
1941–1942 годы

«Редкостный эксперимент, поставленный самой жизнью...»

Накопленный за годы войны научный материал стал основой для фундаментальных обобщающих работ. Одной из самых значимых стала коллективная монография «Алиментарная дистрофия и авитаминозы. Научные наблюдения за два года войны», изданная летом 1944 года в сборнике «Ученые записки 1ЛМИ». Всего же за годы войны сотрудниками 1ЛМИ было издано 11 монографий и 3 учебника. Из воспоминаний Ю.М.Гефтер: «История нам не простит, если мы не проведем исследования нарушений обмена веществ у больных блокированного Ленинграда. Специально создать такие условия для исследования будет невозможно».

М.Д.Тушинским и В.А.Гольманом, на основании материалов, полученных на базе пропедевтической терапевтической клиники 1ЛМИ и Центрального аптечного склада, была подготовлена работа «О клинических испытаниях фармацевтических препаратов, изготовленных во время блокады Ленинграда».

Доцент З.В.Оглоблина разработала методику лечения острой артериальной непроходимости. Доктор Н.В.Коваленко – методику лечения закрытых переломов бедра. П.П.Львов, заведующий кафедрой челюстно-лицевой хирургии, разработал методы лечения слизистой рта при дистрофических изменениях. Доктор А.И.Дардык изучал вторичное кровотечение крупных кровеносных сосудов после огнестрельных челюстно-лицевых ранений и т.д.

Акушерско-гинекологическая клиника под руководством К.К.Скробанского занималась изучением родов и смертей матерей и новорожденных, а также акушерско-гинекологической помощью в Ленинграде.

Е.Л.Вендерович классифицировал последствия закрытой травмы головного мозга. Е.С.Драчинская уделяла большое внимание лечению огнестрельных и тяжелых переломов. К.Т.Глухов изучал проблемы ранней диагностики и адекватной терапии смертельно опасной и распространенной в то время инфекции сыпного тифа. В 1944 году им была издана монография «Течение сыпного тифа при пониженном питании». Т.С.Истаманова описала асцитическую форму алиментарной дистрофии, проанализировала особенности патогенеза и клиники пневмоний у раненых, в том числе в грудную клетку.

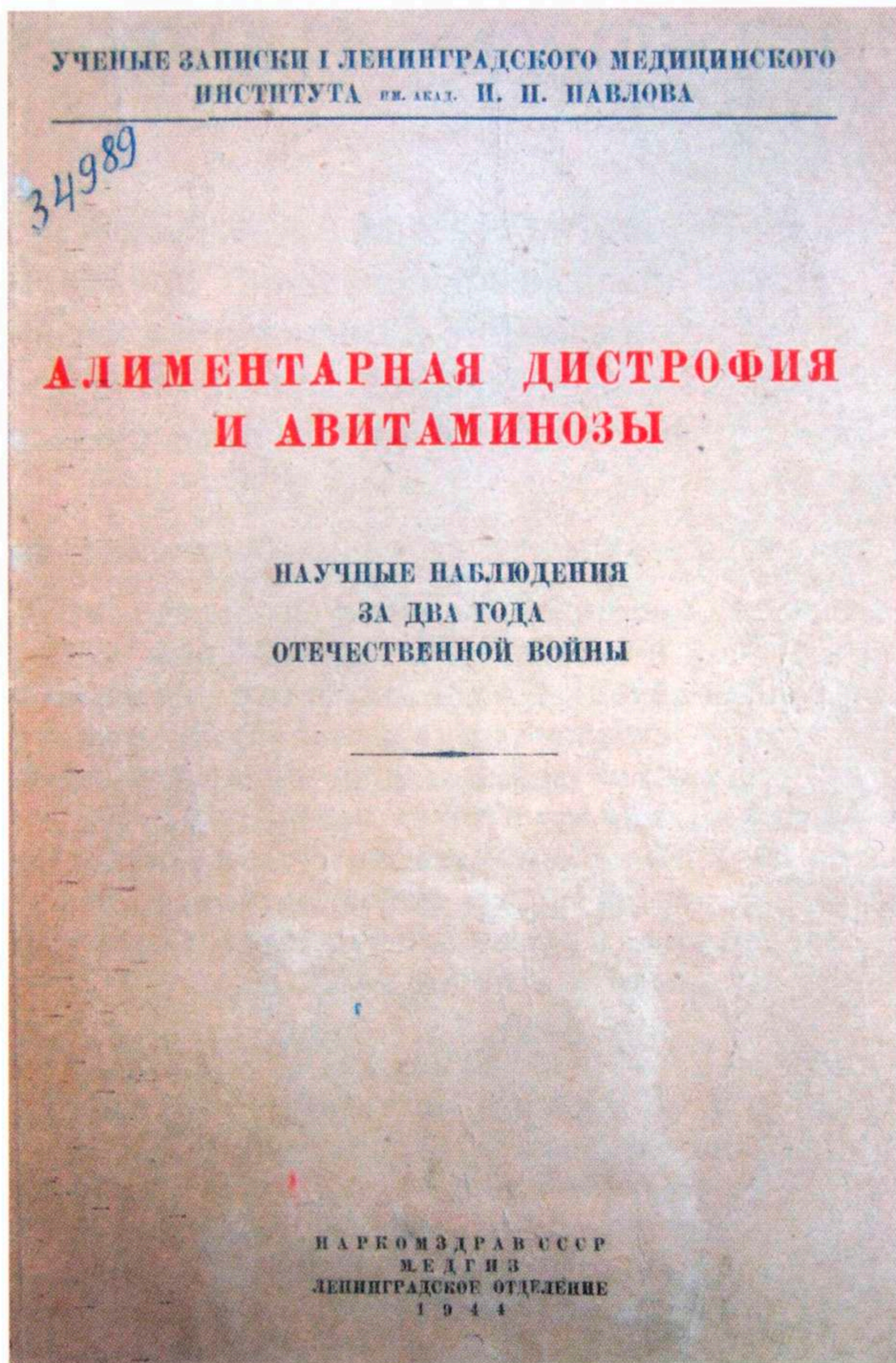
Сотрудники института играли ведущую роль в восстановлении работы научных обществ, деятельность которых возобновилась в начале мая 1942 года. Первым началом свои заседания общество терапевтов, председателем которого был избран М.В.Черноруцкий. В.Г.Гаршин: «Собрался почти весь медицинский мир города. <...> Прежде я не видел таких дружных заседаний – как-то отпали мелкие страстишки, не сказывались ложные самолюбия, не было мелкого соревнования, суетной погони за приоритетом. Я иногда забирался на верхние скамьи высокого амфитеатра аудитории и смотрел на склоненные над бумагой головы, седые и лысые, русые и темноволосые, мужские и женские. Почти все усердно записывали. Понял – люди учились друг у друга». Возобновились заседания общества патологоанатомов, Пироговского общества, научных обществ акушеров и гинекологов, невропатологов.

В 1943 году в Ленинграде впервые в стране при Ленгортделде был введен институт главных специалистов, куда вошли: М.Д.Тушинский (главный терапевт города), М.В.Черноруцкий (председатель комитета по изучению алиментарной дистрофии), Д.М.Гротель (председатель комитета по гипертонической болезни), В.Г.Гаршин (главный патологоанатом), К.Т.Глухов (главный инфекционист), К.К.Скробанский (главный акушер-гинеколог).

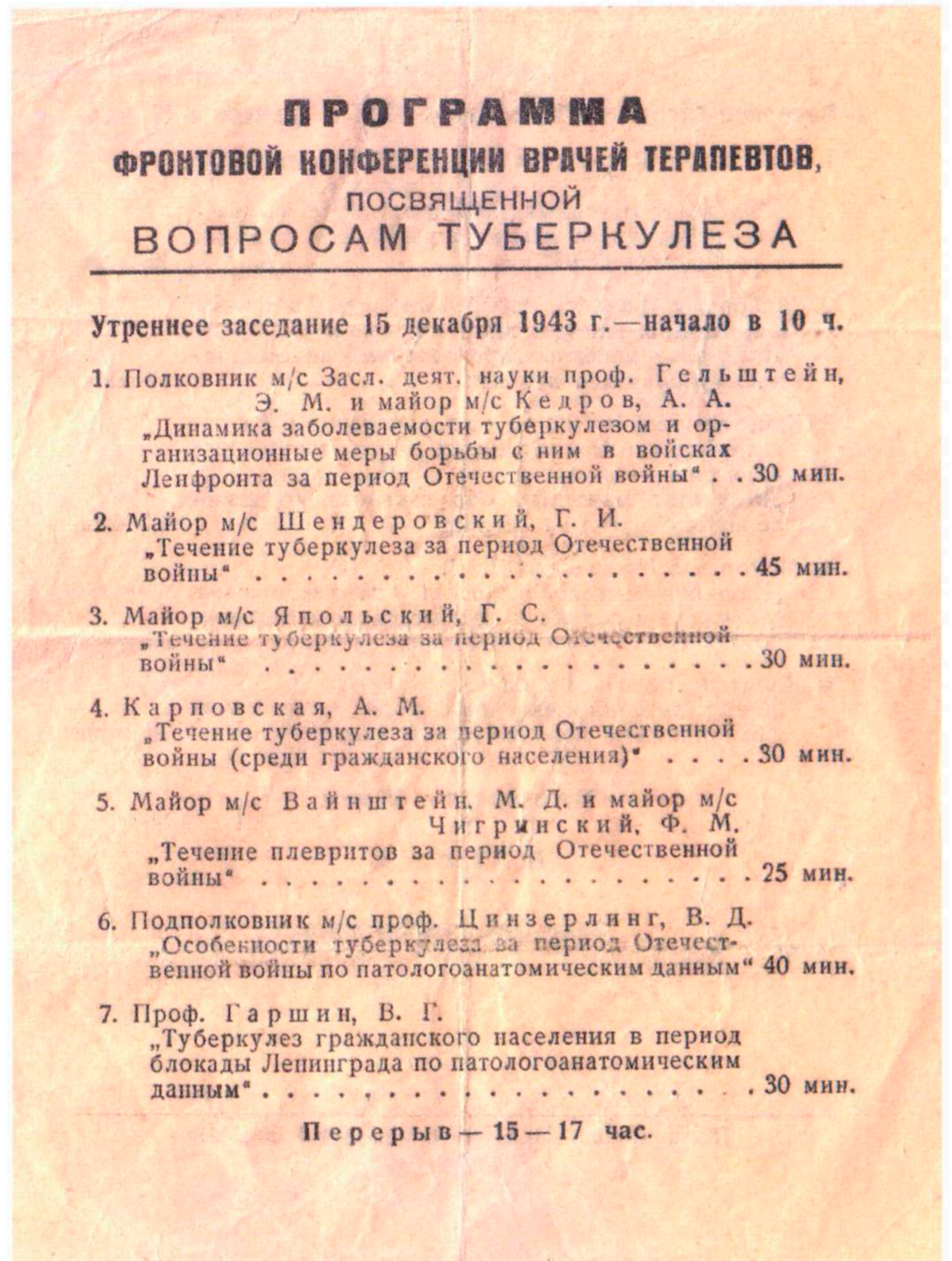
Из воспоминаний В.Г.Гаршина: «В дни блокады в ЛМИ кипела не только повседневная суета: забота о больных, обучение студентов и т.д., развивалась и наука. В эти суровые будни сотрудники института не забывали, что научная составляющая является одной из главных задач 1ЛМИ, и она не должна прерываться ни при каких обстоятельствах...»

...Вскрытие трупов и установление диагноза смерти – главная задача прозектора. Это были почти сплошь дистрофики. Так вот что делает голод?! Жира нет нигде – ну, это понятно. Но органы, органы! Голод съел их. Вот печень – она потеряла почти 2/3 своего веса. Сердце – оно теряет больше трети своего вещества, нередко почти половину, а селезенка уменьшается в несколько раз. Страшная третья стадия дистрофии – необратимая. Организм потребил не только свои запасы, но разрушил и структуру клеток. Мы все это знали теоретически, нужно все было пощупать своими руками, посмотреть своими глазами, изучить под микроскопом. Нужно с холодным сердцем изучать все эти исключительно интересные изменения структуры органа, структуры клеток. Передо мною редкостный „эксперимент, поставленный самой жизнью“, я жадно всматриваюсь и стремлюсь понять сущность этих изменений, это волнует. ...Я был поражен несовпадением клинических и анатомических диагнозов. Это было так необычно в нашей прекрасной больнице. На конференциях мы – прозектора и клиницисты, старались вскрыть причины такой дефектной работы. Это было необходимо – так дальше работать нельзя. Мы выяснили: основная причина – голод».

Алиментарную дистрофию зимы 1942 года и ранней весны 1943 года сменяют туберкулез, пневмонии, вирусный гепатит. Начали нарастать заболевания сердечно-сосудистой системы. Возникла эпидемия «Ленинградской гипертонической болезни». Из «Дневника» В.Г.Гаршина: «Поздней осенью 1942 г., когда мы уже изживали голодную болезнь, состав больных в наших больницах стал меняться. Во время голода сердечных больных почти не было. Осенью количество их стало нарастать. Это начали сдавать ленинградские сердца. До войны умирало 3–4%. А теперь 40–50%!»

Сборник работ «Алиментарная дистрофия и авитаминозы». 1944 год

Программа фронтовой конференции врачей-терапевтов. 1943 год

Плакат «Приготовление витаминного напитка из хвои». Лениздат, 1943 год

«Блокада – хлебный крошечный паек, который не закроет и ладони...»

Часть сотрудников и студентов ушли на фронт и в Народное ополчение, другие оказались в эвакуации, но те, кто остался в блокадном городе, продолжали работать, учиться, заботиться о своих близких. С приходом войны изменился не только повседневный быт блокадника, поменялось понимание и отношение к жизни. Понять внутренний мир ленинградца 1941–1945 годов современному человеку крайне сложно. Но те, кто пережил блокаду, оставили нам дневники, воспоминания, письма, которые позволяют хотя бы прикоснуться к тому страшному времени...

В конце декабря 1941 года – начале января 1942 года, после разрыва бомб и снарядов, были выведены из строя водопровод и канализационная сеть, была отключена электроэнергия, температура в помещениях больницы упала ниже 0 градусов. В палатах 1ЛМИ были установлены около 400 печек с выводом дымовых труб в окна.

В.М. Инбер, «Почти три года» (Ленинградский дневник): «6 января 1942 г. ...Сегодня впервые была в приемном покое. В комнатах, коридорах, на скамьях, носилках, а то и просто на полу сидят и лежат, по существу, одетые трупы. На лицах живут только глаза. Среди них ходят две женщины-врача, сами похожие на мертвецов. Здесь никого не лечат, только кормят. Болезнь у всех одна – голод. <...> В холодных, с замерзшими в чернильницах чернилами, полутемных из-за замены выбитых стекол фанерой кабинетах истощенные, с трудом доходившие до работы врачи принимали по 85–115 больных в день».

Из «Дневника» Б.П.Абрамсона (15 января 1942 года): «Больно смотреть на ужасающий развал больницы. Жестокий, все сковывающий холод, температура в палатах около нуля, в операционной 3–5 градусов. Мрак. Лопнувшие батареи и трубы, всюду лужи замерзшей воды. Померзла кровь на леднике. Операций по-прежнему мало, но все же вчера вводил спицу в бедро, сегодня раскрывал тяжелую флегмону кисти. Ходим по отделению в шубах; больные лежат в своих полушубках, в валенках на голых матрацах, кишат вшами. У меня самого ощущение постоянного зуда».

Воспоминания В.В.Ставской: «22 декабря 1941 г. Стеннело, когда я вышла из булочной на Невском, прижав к себе завтрашнюю норму. Внезапно кто-то наскочил сзади, толкнул. Подумала – случайно. И вдруг ощутила, что хлеба у меня нет. Что теперь делать? Пошла домой. Взяла спички, вернулась на то же место. Ползала по мостовой пустынного Невского, зажигала спички, шарила руками по снегу между трамвайными рельсами – а вдруг найду. Нашла довесок граммов в пять, остальное выхватили. Как проживем эти сутки?»

...С декабря 1941 г., когда полностью остановился городской транспорт, было разрешено жить профессорам в своих кабинетах, остальным сотрудникам – в ассистентских и ординаторских и, сдав карточки, получать питание из больничной кухни».

Профессор М.Д.Тушинский в письмах своей сестре М.Махмудбековой в Баку в 1942 году: «31 мая 1942 г. Я здесь нужен, необходим. А спокойствия в наши дни я не обрету нигде. Поставлено на карту так много, так перемешались между собой война и мир, что искать где-то невоенной жизни... для меня дикая мысль...»

...14 июля 1942 г. Я не хочу уезжать из Ленинграда. Так много пережито нами и мною в любимом городе... Так не хочется превращаться в беженца и чувствовать себя хоть немного убегающим от опасности».

Из воспоминаний М.В.Черноруцкого: «Зимой 1941–1942 гг. температура в палатах опускалась до –10°C, лопались термометры и замерзали растворы... Малочисленные, изнуренные недоеданием и тяжелой физической работой сотрудники клиники госпитальной терапии (профессор М.В.Черноруцкий, Я.Н.Вишневская, С.Л.Гаухман, М.Д.Кузнецов, Р.И.Плинер и др.), по состоянию своего здоровья мало чем отличавшиеся от обслуживаемых ими больных и, время от времени, по очереди занимавшие их места, продолжали мужественно бороться за жизнь доверившихся им больных».

Из «Дневника» Б.П.Абрамсона (1942 год): «23 февраля состоялся Совет института. В этот безрадостный день мне присвоили ученое звание профессора. На днях в покойницкой поймали мужчину, искавшего труп „помоложе“. Он оказался инженером, спокойно и здраво рассуждавшим. Он не видит ничего предосудительного в людоедстве».

...Б.П.Абрамсон писал: «Сказывается голод! В октябре, а в особенности в ноябре, я его остро чувствую. В особенности болезненно переживаю недостаток хлеба... Стараешься побольше оперировать, время идет быстрее, голод не так ощущается... Ежедневно в больницу поступает 10–15 истощенных людей, погибших от голода. Запавшие застывшие глаза, осунувшееся землистое лицо, отеки на ногах...»

Воспоминания Т.А.Никифоровской: «Особенно тяжело было библиотекарю Н.М.Колыниной, которая жила в Лесном. Ей я разрешила ходить на работу через день. Она работала с инвентаризацией журналов. Как сейчас помню, что она попрощалась со мной, уходя с работы, а на следующий день позвонил ее сын, спросил, была ли мать на работе. Я сказала, что была. Он тогда сказал, что она не вернулась домой, и при этом с ужасом добавил: „Но у нее были наши хлебные карточки!“ Мы наводили справки в больницах, но отвечали, что она не поступала. Куда она исчезла – умерла ли по дороге, или ее убили, ограбив, так и осталось неизвестным».

Разбор зданий и заготовка дров в блокаду.
1942 год

Огородные участки сотрудников 1ЛМИ,
выделенные им на территории института

Из воспоминаний Е.В.Усольцевой: «В феврале 1942 г. первоклассная, образцовая госпитальная хирургическая клиника, лишившись воды, канализации, отопления и света, стала похожа на ночлежный дом».

В. М. Инбер, «Почти три года» (Ленинградский дневник):
«7 января 1942 г. ...перестали работать городские телефоны... Город умирает, как человек, у которого один за другим перестают работать все органы».

Из воспоминаний Г.Артемьевой: «К маю территория института была полностью очищена, заработала электростанция и механическая прачечная, из кранов потекла вода... Институт готовился ко второй блокадной зиме. В некоторых зданиях была проведена капитальная реконструкция. Но главным, конечно, была заготовка дров. Для института выделили деревянные дома в Парголово. Их сначала нужно было разобрать ломом, доставить к трамваю, погрузить бревна на платформы и привезти к институту. Это был тяжелый труд. Но и с ним удалось справиться персоналу института – и зима 1942–1943 гг. была побеждена».

Первые дни блокадной весны принесли надежду. Из «Дневника» В.Г.Гаршина: «Мы начали с чистки. Я увидел своих лаборанток, ассистенток, санитарок во дворе – скалывали мы лед, убирали нечистоты. Все бледны, одутловаты. Пальто подпоясаны веревочками, на голове излишне много платков и повязок. Наши движения очень слабы, медленны. Ломы и лопаты так тяжелы. По двору копошатся такие же люди. Лед, он тяжелый. Так трудно перенести кусок его. Все же очистили двор. Принялись за прозекторскую. Трупы уже вывезены. Так начали мы весной 1942 г. восстановительный период».

В. Г. Гаршин, «Там, где смерть помогает жизни»: «Сейчас все меняется. Окончилась осада нашего Города. Восстанавливается жизнь. Нахлынули новые люди, они постепенно заполняют пробелы в наших рядах, и скоро мы – ленинградцы блокады – затеряемся в массе вернувшихся. Для них то, чем жил и что пережил Город – это прошлое. Я тоже знаю, что наступает новая жизнь, новая эпоха, и постепенно мое настоящее станет и для меня прошлым, уйдет. Уйдет, но оставит глубокий рубец. Странно: этот рубец как-то выпрямил душу».

1ЛМИ в эвакуации

Эвакуация жителей и предприятий, проходящая в городе, не обошла стороной и 1ЛМИ. 23 февраля 1942 года И.Д. Страшун на заседании Ученого совета института проинформировал коллектив: «Наш вуз не вливается в другой вуз, а остаётся самостоятельным. Мы считаем, что, будучи эвакуированы, мы станем на месте параллельным вузом, с нашими студентами, с нашим расписанием. Это будет не слияние, а федерация. У нас будет самостоятельное руководство и самостоятельная смета».

31 марта 1942 года решением ВКВШ при СНК СССР и НКЗдрава СССР предписывалось эвакуировать через Ладожское озеро первые два курса студентов, профессоров и преподавателей, а также членов их семей, ослабленных алиментарной дистрофией. Конечным пунктом эвакуации был назначен Кисловодск.

Воспоминания Н.И. Озерецкого: «Никогда не забуду эту поездку: изможденные, усталые, апатичные, безразличные ко всему профессора, преподаватели и студенты молча, без шуток, смеха, разговоров заполнили вагоны. <...> Скоро начались желудочно-кишечные и другие заболевания, пришлось выделить два вагона и назначить специального санитарного врача. Эти обязанности выполнял профессор И.Е. Рамм. <...> Во время пути у нас умерло несколько человек студентов, их родственников и лиц гражданского населения. В первые дни в эшелоне было чрезвычайно тихо: проходя по составу, можно было думать, что в вагонах никого нет. В дальнейшем можно было наблюдать, как оживают люди: в вагонах заговорили, на лицах появились улыбки... и вдруг на 12–15-й день пути в вагоне раздался смех, а потом заиграл патефон».

Немедленно по приезде в Кисловодск началась работа по возобновлению занятий, в качестве филиала 1ЛМИ. Однако 17 июля 1942 года фашисты начали наступление на Сталинград и Кавказ.

Докладная записка Ш.Д. Галустяна: «4 августа, вечером, руководители института были вызваны в Исполком на экстренное совещание, где было предложено эвакуироваться из Кисловодска пешком утром 5 августа». При этом часть сотрудников и студентов осталась в Кисловодске, продолжая работать в качестве филиала 1ЛМИ и в оккупации.

Воспоминания Н.И. Озерецкого: «Утром 5 августа начали собираться в институт профессора, преподаватели, студенты. К 13 часам сборы были закончены, и мы большой колонной двинулись к вокзалу: решили поездом доехать хотя бы до Минеральных Вод. В 17:20 подошел поезд (это был последний поезд), погрузились на него... и доехали только до Пятигорска, т.к. дальше он не шел. Опасаясь возможного десанта, расположились на ночлег лагерем в 5 км от Пятигорска. ...Группа, в составе профессоров К.П. Мищенко, И.И. Канаева, М.Г. Привеса, И.Е. Рамма во главе с директором профессором Н.И. Озерецким, преподавателей и студентов вышла пешком порядком на Нальчик. Далее держали путь по Военно-Грузинской дороге в Тбилиси. В Орджоникидзе к нам присоединились пробирающиеся по нескольку человек и в одиночку преподаватели и студенты еще 14 ленинградских институтов, эвакуированные на Северный Кавказ. Когда мы подсчитали всех, кто двигался с нами по Военно-Грузинской дороге, то оказалось, что число приближалось к 1 500 человек, при 30 повозках (58 лошадей)...

...В Красноярск приехали 1 октября 1942 г. Шел снег, было холодно. Директором института был назначен я, деканом стоматологического факультета – З.Б. Пирятинский (директор Воронежского стоматологического института), деканом лечебного факультета – профессор В.Н. Иванов, занимавший эту должность еще в Ленинграде».

28 сентября 1943 года Н.И. Озерецкий получил назначение на должность директора 1ЛМИ и был отозван в Ленинград. Новым директором филиала в Красноярске стал М.Г. Привес.

Оставшиеся в Кисловодске преподаватели и студенты группировались вокруг профессора Ш.Д. Галустяна. К моменту немецкой оккупации в Кисловодске оказались 35 сотрудников института, среди них – профессора В.В. Чирковский, П.А. Останков, В.А. Шаак, В.П. Космодамианский, С.М. Токмачев, значительная часть преподавательского состава и студентов.

По воспоминаниям профессора В.А. Шаака, в сентябре 1942 года оставшейся в Кисловодске профессуре, несмотря на противодействие немецких властей, удалось восстановить работу института, сгруппировать студентов и начать занятия. Немецкие власти неоднократно угрожали закрытием филиала института, чтобы использовать студентов и преподавательский персонал для отправки на принудительные работы в Германию.

Летом 1945 года преподаватели, студенты и все имущество филиала были перевезены в Кишинев и включены в состав открывавшегося там медицинского института.

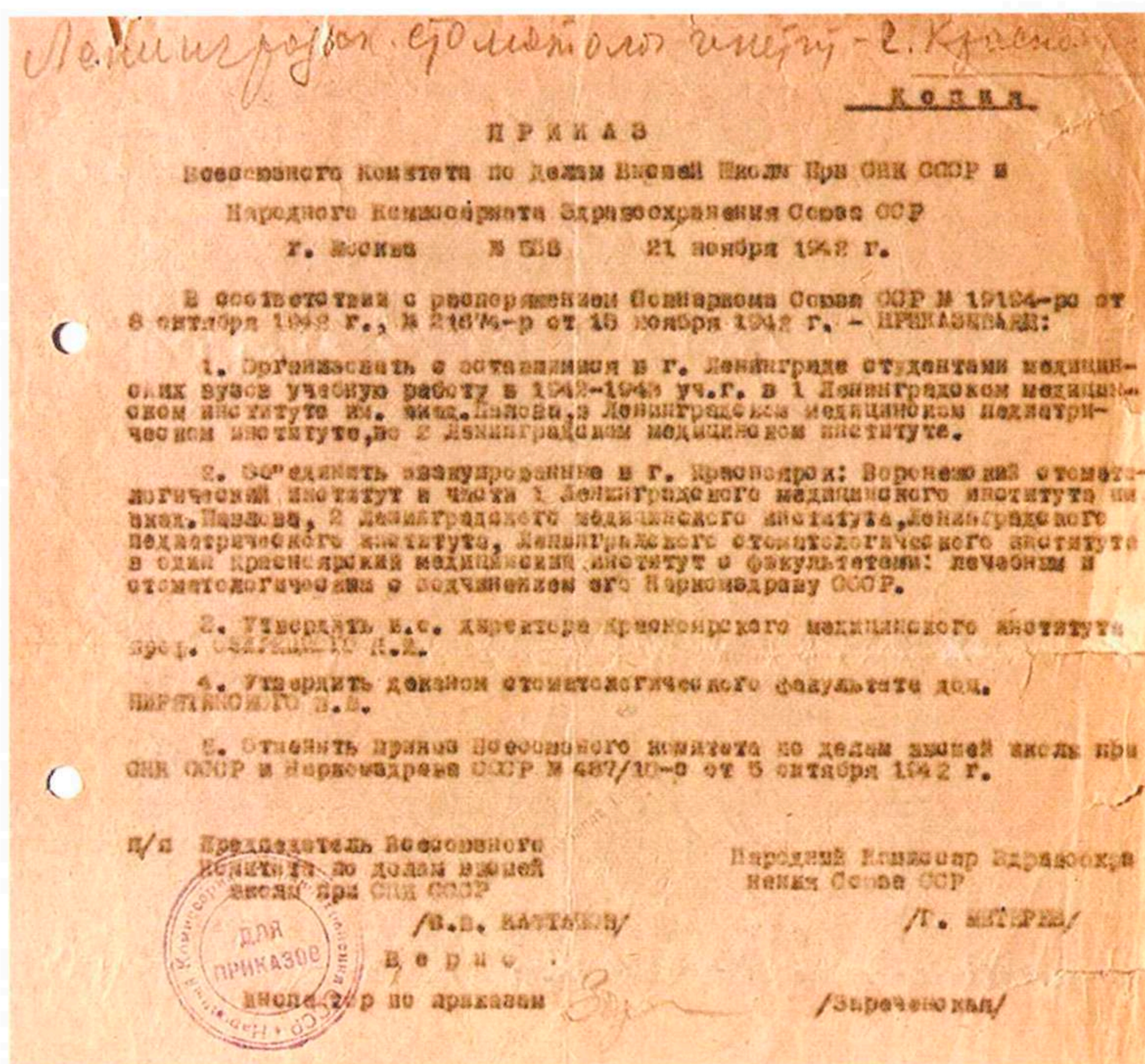
Страница из выпускного альбома Красноярского
 медицинского института 1943 года.
 На фотографии: профессора ЛМИ
 М. Г. Привес, Н. И. Озерецкий, А. М. Фой

Страница из выпускного альбома Красноярского
 медицинского института 1944 года.
 На фотографии: профессора ЛМИ
 М. Г. Привес, А. М. Фой

Приказ Всесоюзного комитета по делам высшей школы
 при СНК СССР и Народного комиссариата здравоохранения,
 утверждающий профессора Н. И. Озерецкого в должности
 директора Красноярского медицинского института. 1942 год

1ЛМИ городу и фронту

Кроме профессоров, работавших на ответственных должностях, были десятки и сотни сотрудников, работавших всю войну на не столь видных, но не менее ответственных постах и решавших главную задачу — спасение жизней бойцов армии и флота. Судьбы сотрудников и студентов, ушедших на фронты Великой Отечественной войны, складывались по-разному. Но все они, погибшие и выжившие, отдавали свои знания и сердца будущей Победе... Они работали в медсанбатах дивизионного уровня, в медико-санитарных ротах стрелковых полков и отдельных танковых бригадах, морских флотилиях, в полевых подвижных госпиталях, отдельных ротах медицинского усиления, в госпиталях легкораненых, в полевых эвакуопунктах, в эпидемических отрядах. Они выносили раненых из-под огня, организуя их дальнейшую транспортировку в полевые, фронтовые и тыловые лечебные учреждения.

Многие врачи и сотрудники нашего института: В.А. Дунаевский, А.С. Семенов, Д.Н. Абросимов, защищали Ленинград, непосредственно участвуя в боях на Волховском и Ленинградском фронтах. Г.А. Маллабиу воевал на страшном Невском пятачке, где был тяжело ранен. Н.М. Васюков в боевой операции по захвату г. Урицка (Лигово) попал под минометный огонь и был ранен. Он вспоминал: **«Когда ко мне подошли бойцы, то от медицинской помощи отказался — думал, что не выживу. И лишь немного позже пришел в себя от пережитого шока».**

Легенда нашего института З.А. Смирнова восемнадцатилетней первокурсницей была призвана на Ленинградский фронт в феврале 1942 года. Она работала на Дороге жизни, в Кабоне, медсестрой хирургического отделения, потом — старшей сестрой эвакогоспиталя № 1011 Ленинградского фронта.

М.А. Черткова 23 июня 1941 года на второй день войны на аэродроме под Новгородом перевязывала раненых, детей и женщин из семей военнослужащих после налета немецких самолетов. Военврач Н.А. Иванов пропал без вести в боях под Смоленском. Ю.А. Кротов, военфельдшер, прошел сотни километров по Украине. И.Е. Лукомская — ассистент кафедры хирургической стоматологии, была медсестрой на Ленинградском, 3-м Прибалтийском и 3-м Белорусском фронтах.

О.И. Базан вспоминала, что она **«прошла войну в составе ПАЛ-48 Северного фронта, куда входили патологоанатомы. Многочисленные исследования того времени по вопросам острой и осложненной боевой травмы, анаэробной инфекции, туберкулеза, инфекционных болезней, алиментарного истощения и др. оформлялись в виде фронтовых отчетов и представляли собой научные труды».**

П.П. Емельянов встретил Победу в Венгрии. В.И. Колесов начал свой фронтовой путь в должности старшего хирурга эвакогоспиталя Ленинградского фронта, а Победу в 1945 году встретил главным хирургом Центральной группы советских войск в Австрии. А.Я. Юркевич воевал в должности военфельдшера, приняв первый бой в составе стрелкового полка 3-й дивизии народного ополчения Петроградского района под Красным Селом. Он с боями прошел путь от Ленинграда до Вены.

Бывало и так, что выпускники-врачи, медицинский персонал, преподаватели 1ЛМИ служили в армии совсем не по полученной специальности.

Так, в знаменитой 8-й гвардейской Панфиловской дивизии, прославившейся в битве за Москву, в должности командира санитарного взвода воевал В.А. Миняев. В зенитно-артиллерийском полку служил В.П. Паламарчук: **«вместе с пятью моими товарищами по расчету воевал на пушке, которую в шутку называли „прощай, Родина“ (45 мм противотанковое оружие)».** Служившие в противотанковой артиллерии даже в действующей армии считались почти смертниками, поскольку время жизни расчета таких орудий, при отражении танковой атаки, составляло 1–3 выстрела.

Участниками Сталинградской битвы были хирург С.М. Курбангалеев, Н.Г. Ефимович, Леля Степанова. М.И. Гуськова (Красновская) вспоминала, что **«были дни, когда в госпиталь (Сталинград) в течение дня доставлялись 600–700 человек в тяжелом состоянии самолетами и другими видами транспорта. И такое же количество отправлялось в разные направления».**

А.Е. Михайличенко встретил декабрь страшного 1941 года в ожесточенных боях на подступах к г. Керчи: **«Каждый день организую эвакуацию раненых на корабли. Прямые попадания в корабль. И снова трупы и трупы. Гибнут медсестры, врачи... Мы уходим в Тамань».** В сентябре 1942 года он участвовал в боях за Новороссийск: **«Под автоматным огнем оказываю помощь раненым, санитарная машина прострелена во многих местах, но мы не ранены. 7 сентября тонная бомба сбрасывается у здания медпункта. Нас охватило радостное чувство после всего пережитого, главное — мы живы. 8 сентября — массированный артобстрел командного пункта и позиций батарей. Снова убитые и раненые. 9 сентября снова огневой артобстрел и на медпункт, и на командный пункт ПВО базы. Поспешно меняем место, эвакуируем под артобстрелом раненых. 12 сентября происходит передислокация Новороссийской военно-морской базы в г. Геленджик».** К 1944 году А.Е. Михайличенко занимал должность заместителя начальника медицинской части Потийской военно-морской базы.

«Привет вам с полей второй Отечественной войны». На фотографии – А. И. Айвазян.
30 марта 1942 года

М. М. Павлов среди сотрудников госпиталя

После торжественного акта капитуляции Германии война еще продолжалась более недели в Чехословакии, где советские войска добивали окруженную миллионную группировку фашистских войск. Там, в Чехословакии, встретил Победу будущий профессор ЛМИ Л.В.Лебедев, тогда — командир санитарного взвода стрелкового батальона. Для М.З.Штейнгарта война окончилась 18 мая, когда были окончательно разбиты немцы в горах Чехословакии.

Г.Е.Рабкин день Победы встретил в Румынии, а начинался его боевой путь на Ленинградском фронте, где в январе 1944 года 168-я дивизия, в которой он служил, приняла участие в снятии блокады Ленинграда: «**беспрестанный грохот канонады, от которой ходуном ходит земля, надоедливое гудение „ночников“, готовых ежеминутно сбросить „гостинцы“. Бойцы говорят „Сват прилетел“, и часто знакомое: „Доктор, привезли“. 10 апреля 1944 г. ...засучив рукава, в брезентовой палатке, под бомбежкой, артобстрелами, ошалевшие от бессонницы, запаха крови, стонов раненых, от нарастающего холода душу воямин, потрясающих землю разрывов „ишаков“, перевязывали, накладывали шины, кололи, переливали кровь, а потом с пистолетами в руках останавливали попутные машины и, ругаясь с обезумевшими от усталости и напряжения шоферами, нагружали их машины ранеными. Постоянные трудности фронтовой жизни, непрерывный свист и улюлюканье смерти, мучения тысяч раненых, сотни смертей закалили меня, окутали сердце непроницаемой оболочкой, анестезировали душу. Я совсем забыл, что где-то рядом существует совершенно другой мир, где смерть не гуляет на воле, где живут люди, поддающиеся еще действию человечности, не потерявшие еще чувств».**

Воевали в составе санитарно-эпидемиологических отрядов Е.Н.Голикова — начальник инфекционного отделения 856-го фронтового госпиталя; А.Л.Лесников — капитан медицинской службы, инфекционист; Н.М.Сомова — специалист санитарно-эпидемиологической службы в Ладужской военной флотилии. Окончание войны она встретила в Таллине.

День Победы встретили на Эльбе И.К.Барабаш и Е.В.Рождественский. Дошли до Кенигсберга А.Т.Зелинский и А.И.Айвазян. Н.И.Кондратьева вспоминала об ожесточенных боях за Кенигсберг — столицу Восточной Пруссии: «**Бои там страшные были. Раненых едва успевали принимать и отправлять, машин не хватало. А после взятия Кенигсберга армия уже очень быстро продвигалась вперед. Война для меня закончилась под Данцигом».**

З.С.Виноградова (Кузьмина), встретившая Победу на территории современной Словакии, в историческом Аустерлице, на полях близ которого русская армия в 1805 году потерпела поражение в битве с Наполеоном, вспоминала, что «**местное население города Аустерлица, где нас застала Победа, до центральной площади несло нашу легковую машину, усыпанную цветами, на руках, а я плакала от счастья».**

В Берлине Победу встретили А.И.Шварев — командир медицинской санитарной роты отдельной морской бригады, Е.В.Чубукова — начальник медсанбата отдельной 143-й танковой бригады, И.С.Гильбо — хирург. А.К.Киселев после битвы на Курской дуге, участвовал в боях за г. Минск, Варшаву и Берлин.

Г.Г.Григорьева воевала в качестве командира приемно-сортировочного взвода 36-го медсанбата 46-й Лужской дивизии, встретив Победу в Берлине. В.П.Власов воевал, будучи флагманским врачом Краснознаменной бригады речных кораблей Днепровской военной флотилии, суда которой активно участвовали в боевых операциях на реках и озерах Германии.

А.М.Перехватова, встретившая Победу в Курляндии, вспоминала: «**В Петроградском райвоенкомате меня в первый день не приняли: у меня была коса, сказали, что надо отрезать. Я заплакала, а один военный и говорит: „Детей мы в армию не берем, иди, плачь дома, а надумаешь, снова придешь“. Через два дня пришла уже без косы... Вначале была в заградбатальоне, в третьей роте, санинструктором».**

И.М.Челнокова, врач-гинеколог, сфотографировалась на память в Берлине в имперской канцелярии Гитлера и на крыше Рейхстага. К.Ф.Благовещенская также закончила войну в Берлине, расписавшись на Рейхстаге. «**В последние дни войны, — вспоминала она, — наш медсанбат стоял на Унтер-ден-Линден в Берлине, и было столько раненых, что не повернуться, операционная была невероятно переполнена. Так вот и День Победы встретили — в халатах».**

Сотрудница кафедры акушерства и гинекологии И.М.Челнокова в Рейхсканцелярии, Берлин. 1945 год

А. И. Айвазян с сослуживцами в Кенигсберге.
1 мая 1945 года

О. И. Елецкая, аэродром в г. Пренцлау, Германия.
Август 1945 года

Н. С. Краснова, начальник одного из эвакуогоспиталей

Л. В. Лебедев, гвардейский санитарный взвод в Чехословакии.
Май 1945 года

Самодеятельность в годы войны

Б. П. Абрамсон

Д. Н. Абросиков

Е. А. Агапова

А. И. Айвазян

А. В. Афанасьева

М. Г. Бабицкая

О. И. Базан

С. Л. Базильчук

Л. Р. Балон

А. Г. Барабанова

В. П. Власов

Р. А. Войнер

Е. И. Воробьева

Ш. Д. Галустян

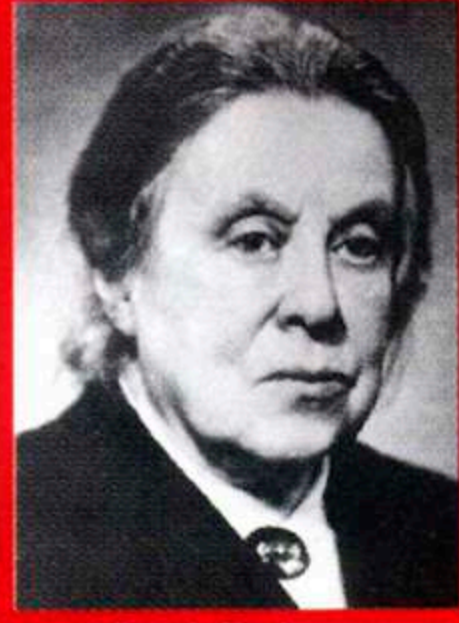
А. М. Ганичкин

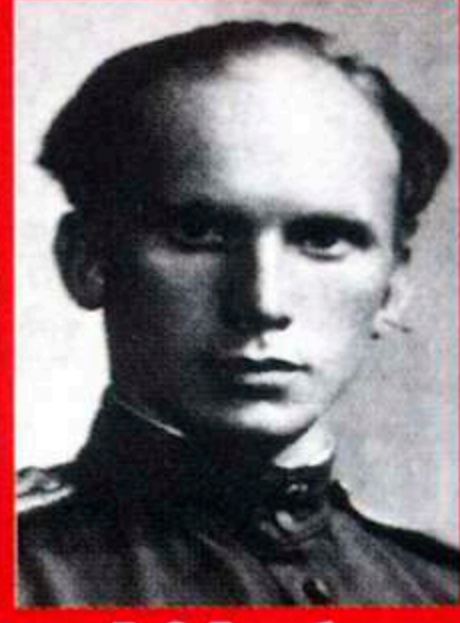
В. Г. Гаршин

С. Л. Гаухман

Ю. М. Гефтер

Е. С. Гильбо

Д. Ф. Глаз

Ю. Ю. Джанелидзе

Е. А. Досычев

Е. С. Драчинская

А. В. Дроздова

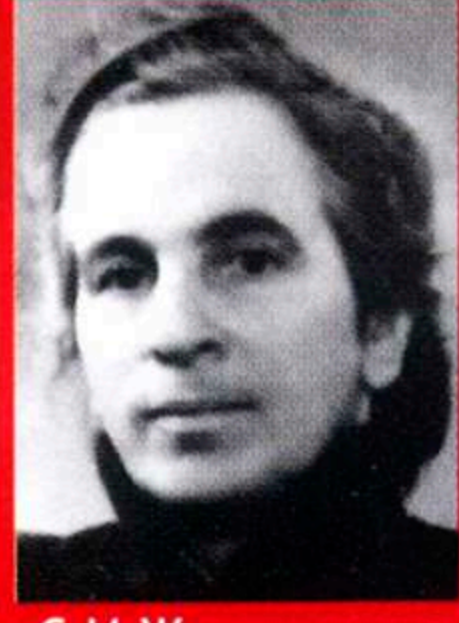
В. А. Дунаевский

О. И. Елецкая

Н. Г. Ефимович

С. И. Жирмунская

А. М. Заблудовский

А. А. Заварзин

Б. Л. Итцксон

С. И. Каляева

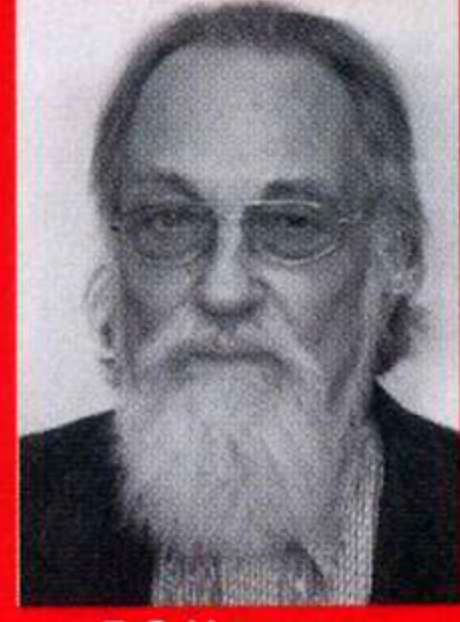
И. И. Канаев

С. М. Капица

В. М. Карасик

Г. С. Катинас

А. К. Киселев

Я. С. Кленцкий

А. П. Ковалева

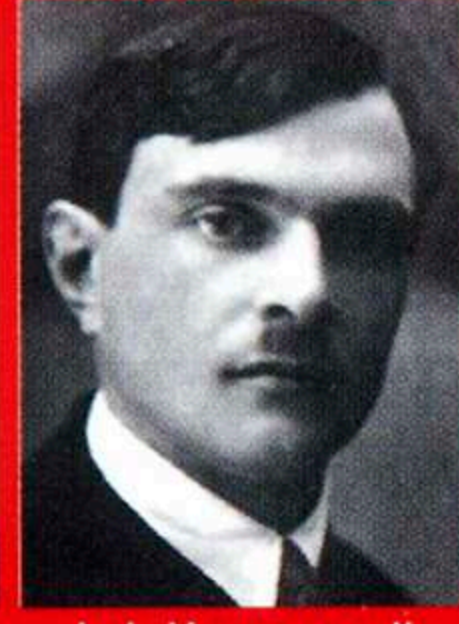
С. И. Коган

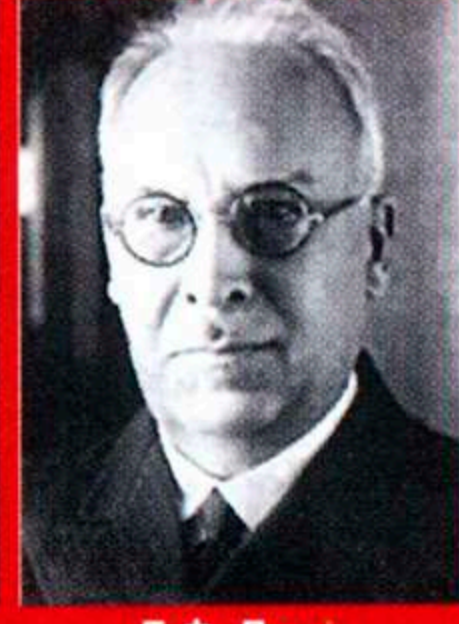
П. А. Куприянов

С. М. Курбангалеев

А. А. Кьяндский

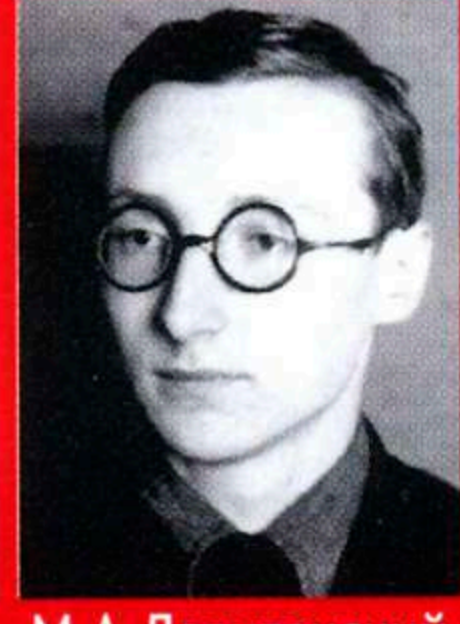
Г. Ф. Ланг

Л. В. Лебедев

З. П. Лебедева

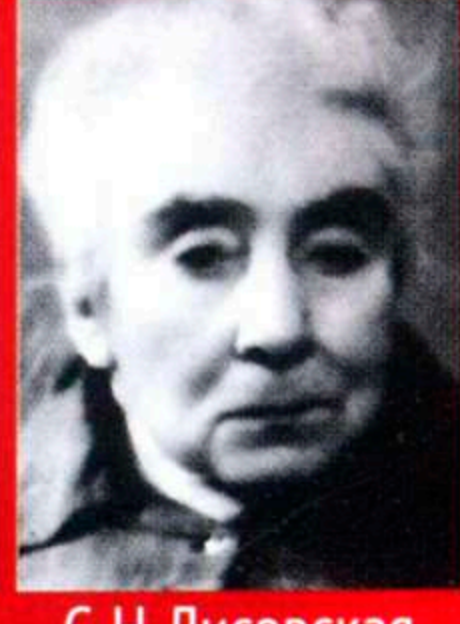
М. А. Левитанский

А. Л. Лесников

С. Л. Лившиц

С. Н. Лисовская

В. А. Миняев

А. Е. Михайличенко

Г. А. Михайлов

А. М. Михайлова

М. Д. Моисеенко

В. П. Мудролюбова

И. Н. Муковозов

А. Л. Мясников

В. А. Надеждин

Н. Найбич

М. И. Пальчевская

В. В. Пежарская

Л. М. Перзашкевич

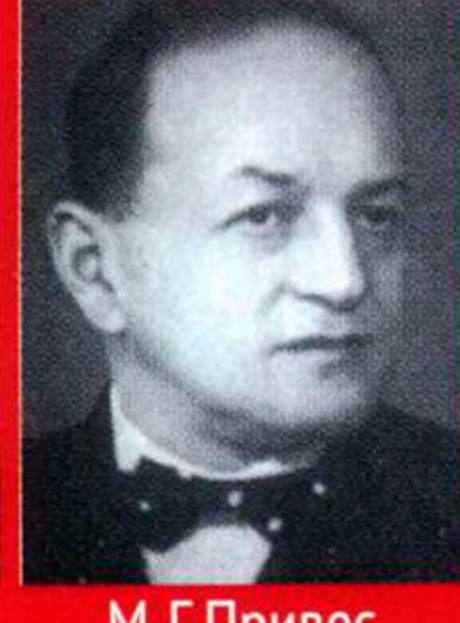
З. П. Петрова

Д. А. Пигулевский

Е. А. Попова

М. Г. Привес

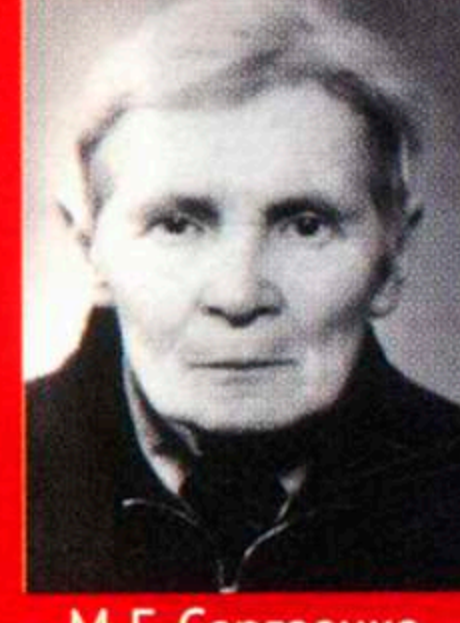
Г. Е. Рабкин

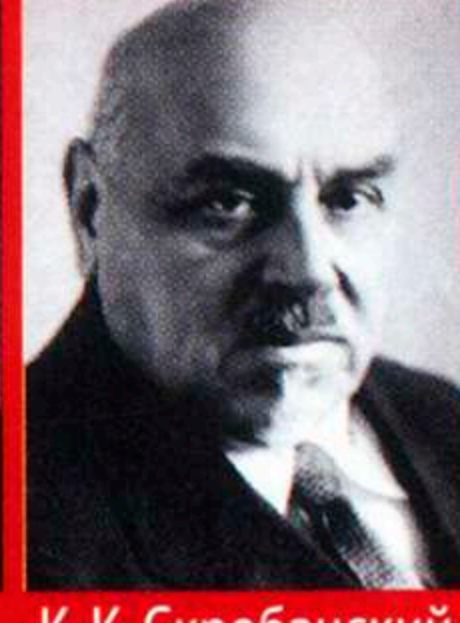
И. Е. Рамм

А. А. Рамш

М. Е. Сергеенко

К. К. Скробанский

З. А. Смирнова

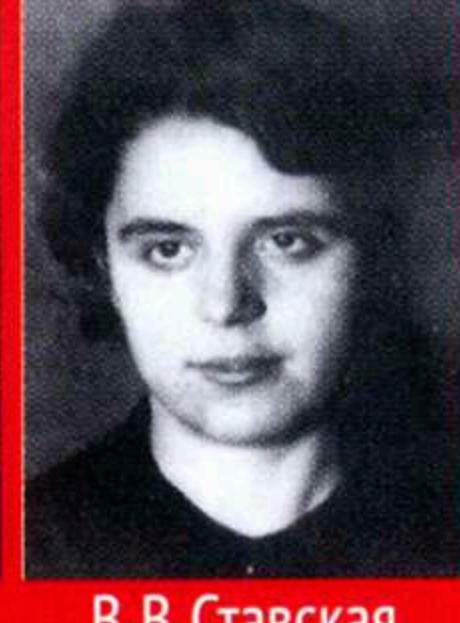
Я. С. Смузин

Н. Г. Сосняков

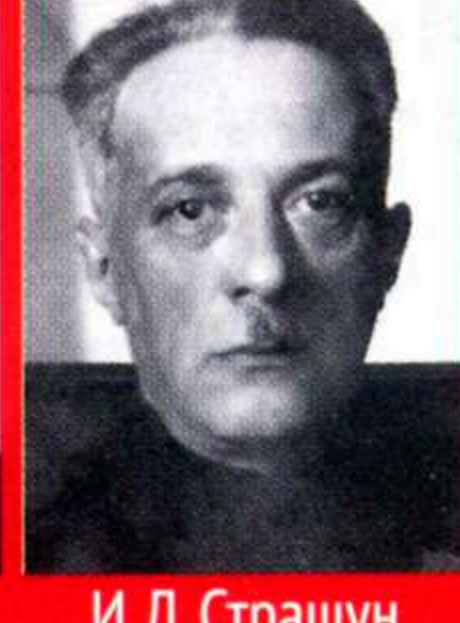
М. А. Сресели

В. В. Ставская

Т. Ф. Стрелюхина

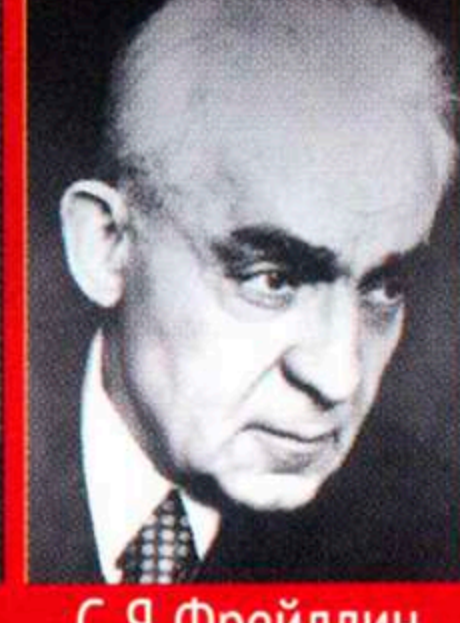
И. Д. Страшун

А. Л. Стуккей

А. С. Фомина

С. Я. Фрейдлин

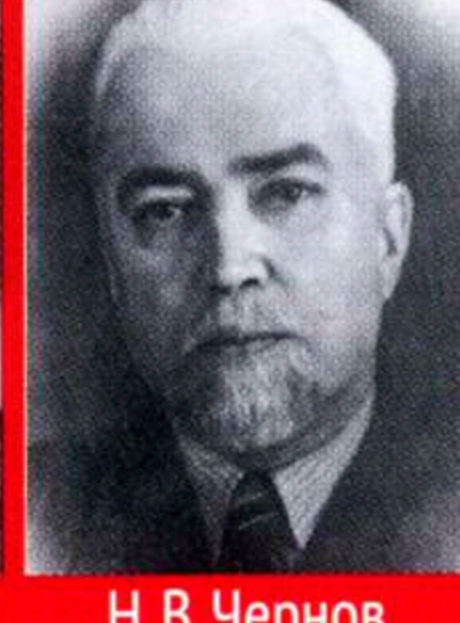
М. И. Хвиливицкая

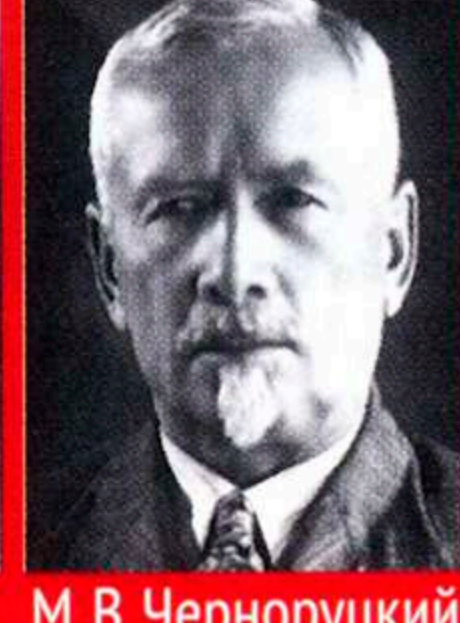
А. Я. Цигельник

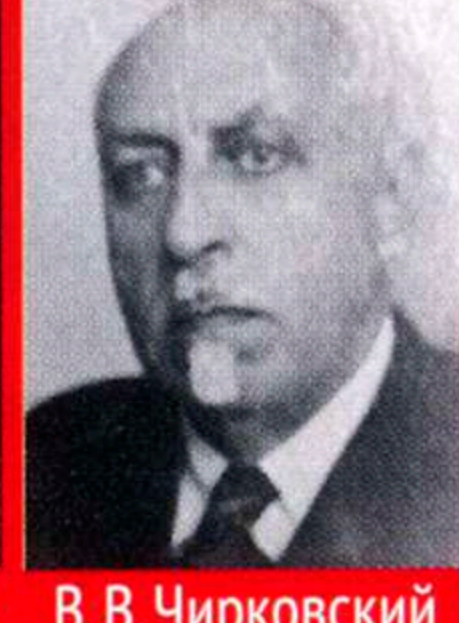
И. М. Челнокова

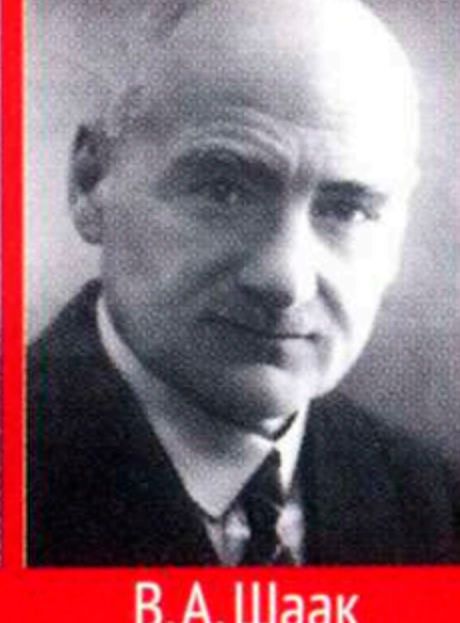
Н. В. Чернов

М. В. Чернолучский

В. В. Чирковский

В. А. Шаак

Т. В. Шаак

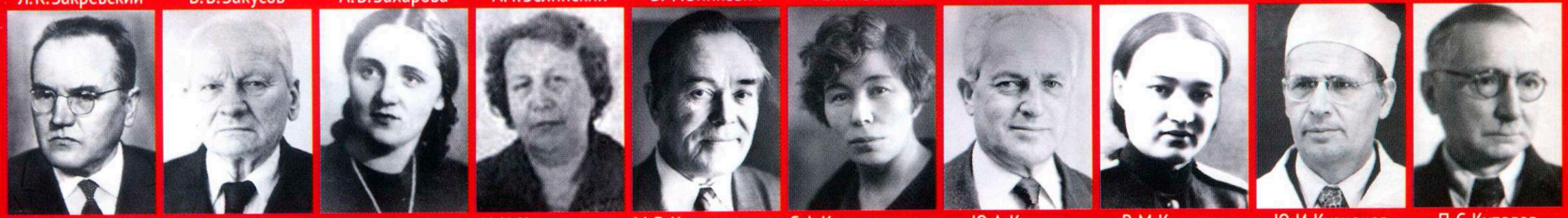
И. К. Барабаш Р. П. Баранцевич Л. Н. Баркова А. И. Берденникова П. К. Булатов Е. М. Варсонофьева Н. М. Васюков Е. Л. Вендерович А. В. Вериго Я. Н. Вишневская

К. Т. Глухов Е. Н. Голикова И. Е. Головчинер Г. В. Григорьева Д. М. Гротель Я. Я. Гуревич Н. Я. Давидович А. И. Дардык З. Я. Дегтярева О. А. Джалишвили

Л. К. Закревский В. В. Закусов А. В. Захарова А. Т. Зелинский В. Ф. Зинкевич А. И. Иванов С. П. Иванов Э. М. Иогихес К. В. Ипатов Т. С. Истаманова

В. И. Колесов А. Ф. Комаров Г. М. Комарович Н. И. Кондратьева М. В. Константинов С. А. Крастелевская Ю. А. Кротов В. М. Крылова Ю. И. Кузнецов П. С. Купалов

А. А. Лихачев Г. С. Лопатин О. В. Лосев И. Е. Лукомская В. И. Лукьяненко П. П. Львов В. Д. Любимова Н. Д. Лялин Л. Г. Магазаник К. И. Машкара

А. И. Науменко Т. А. Никифоровская М. В. Николя З. В. Оглоблина Н. И. Озерецкий Н. В. Олисова О. П. Острейко М. М. Павлов В. П. Паламарчук И. И. Палкин

С. А. Рейнеке Е. В. Рождественский В. И. Розенгарт Р. В. Романовский Д. Г. Рохлин А. Г. Салимьянова А. М. Святловская А. С. Семенов И. В. Семенов Л. С. Сергеева

Н. Г. Тенигина В. И. Толуш О. И. Топчиева М. Д. Тушинский В. М. Уваров В. А. Углов Ф. Г. Углов В. Ф. Ундириц Н. И. Фирсова А. М. Фой

Б. Я. Шапиро М. А. Шарова А. И. Шварев В. Е. Шелоханова А. В. Шилова Г. В. Шор К. П. Шполянская К. Д. Эйсмонт А. Я. Юркевич А. Я. Юрошевский

по материалам фундаментальной библиотечно-и фонов кафедр университета

Ежегодно в январе ко Дню снятия блокады Ленинграда и в мае ко Дню Победы в Университете проходят торжественные митинги у Памятника погибшим медикам, который был установлен в 1987 году на том самом месте, куда когда-то упала и не взорвалась бомба.

Выражаем искреннюю благодарность за помощь в подготовке материалов А. И. Яременко – проректору по учебной работе, А. А. Потапчук – проректору по воспитательной работе, Т. П. Григорьевой – заведующей архивом, Г. А. Ковальчук – директору Фундаментальной библиотеки, Л. А. Носовой – заведующей отделом книгохранения Фундаментальной библиотеки, О. Н. Ключникову – начальнику Управления внешних связей и развития, Н. В. Павловой – заведующей Музеем, Н. С. Боковой, М. Н. Мальковой, Т. В. Балабко – сотрудникам Музея, И. В. Зимину – заведующему кафедрой истории Отечества, доцентам кафедры А. А. Журавлеву и Ф. К. Ярмоличу, Л. Л. Газеевой – старшему преподавателю кафедры истории Отечества, А. С. Филипченко, Н. Г. Тенигиной – ветерану войны, И. А. Мозговой – старшему лаборанту кафедры биологической химии, А. Г. Тюрину – доценту кафедры патологической анатомии, В. В. Томсону – директору НИЦ, Г. Б. Федосееву – профессору кафедры госпитальной терапии, С. А. Шестаковой – профессору кафедры патофизиологии, В. Д. Иващенко – старшему научному сотруднику кафедры инфекционных болезней и эпидемиологии, В. М. Седову – заведующему кафедрой факультетской хирургии, Д. Д. Аравийской – председателю профбюро сотрудников, З. А. Смирновой – ветерану войны, М. Ш. Вахитову – руководителю Центра инновационных образовательных технологий, Р. В. Сенчик – врачу приемного покоя НИИ нефрологии, Т. И. Симоненко – директору архива Ботанического института им. В. Л. Комарова, И. Г. Ивановой – главному хранителю фондов Музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме и всем сотрудникам Университета.

Председатель Редакционного совета –

советник при ректорате по учебной работе Н. Н. Петрищев

Заместитель председателя Редакционного совета –

начальник Управления внешних связей и развития О. Н. Ключников

Секретарь Редакционного совета –

ведущий редактор отдела рекламы М. М. Зорина

Члены Редакционного совета:

проректор по учебной работе А. И. Яременко,
проректор по лечебной работе О. А. Гриненко,
секретарь Ученого совета С. А. Карпищенко,
начальник международного отдела С. Ю. Боровец,
председатель Студенческого совета Ш. Р. Джамиллов

Учредитель:

Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова

Газета зарегистрирована Северо-Западным региональным управлением государственного комитета Российской Федерации по печати 08.07.97
Регистрационное свидетельство № ПЗ843.

Наш адрес:

197022, Санкт-Петербург, ул. Л. Толстого, 6–8
www.1spbgmu.ru
pulse1med@ya.ru

Редактор – Мария Зорина

Корреспондент – Ольга Лалетина

Верстка – Александра Фалдина

Печать – ООО «Флай Принт»

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно

**Первый Санкт-Петербургский
государственный медицинский университет
имени академика И.П.Павлова**